

1974

11 января

Год начался с непомерной усталости, которая сопровождалась сплошной бессонницей по ночам и дневным бездельем. <...> Тут блеснула некоторая удача: я написал по заказу стихи, посвященные Мейерхольду, и их прочтет Завадский в зале Чайковского, на торжественном вечере в честь столетней годовщины Мейерхольда. <...> Написал я быстро, искренно и, кажется, исчерпал все, что могу и хочу сказать об этом удивительном человеке – явлении культуры. Так что вот маленький козырь для начала года.

Два письма от Сашуры – оба милые и оба не слишком радостные: редакционная, глупая ляпка, к тому же явное нездоровье, бездомность, отсутствие перспективы в отношении квартиры. Сашура продолжает оставаться для меня тем же чем была.

А дома, рядом с дочерью, мне по-прежнему очень нелегко. Я люблю мою дочь и в общем доверяю ей, но некоторых проявлений ее характера никогда не приму, некоторых ее упреков и обвинений никогда не прощу.

Не хочу заглядывать в будущее, да и не знаю, ей богу не знаю, есть ли оно у меня. Не всякое завтра – будущее. Бывает, что завтра только продолжение вчерашнего оно стоит на якоре в безнадежном затоне, затертое льдами, как «пьяный корабль» у Рембо.

12 января

Сильно беспокоит меня неотвратимо подступающее безденежье. Оно коснётся и многих зависящих от меня и беспомощных людей. Прежде всего, мою дочь серьезно и хронически больную. Она-то утверждает, что ей с каждым днем лучше, но это только бодрячество.

Очень грустно, но я обязан ни в чем не обманывать себя самого. Предстоит заключение договора в «Сов. писе». Это несколько тысяч. Их ненадолго хватит. А мои личные ресурсы порядком растрясены в дни перед Новым годом и они еще не скоро пополнятся, ибо зависят от моей же журналистской подёнщины.

<...> Плотно и густо окруженный людьми, в большинстве друзьями, я все-таки очень одинок. И это на старости лет непоправимо.

13 января

За эти дни я досочинил «Мейерхольда». Что получилось, судить ещё не могу и пока не выпускаю стихи из рук. <...> Ведущие режиссеры будут читать стихи, посвященные столетнему Мейерхольду русскими поэтами: Товстоногов – Пастернака, Ефремов – Звягинцеву, Юра – меня.

Сегодня разорился и купил моей внучке Кате ко дню ее рождения Кандинского за 45 рублей. Денег у меня сейчас кот наплакал, но так или иначе близок договор на «Ночной смотр» в «Сов. писе».

Ефанов решил заново рисовать меня углем. Дважды был у него, и рисунок нравится мне значительно больше, чем портрет маслом который, кстати говоря, выставлен сейчас в Манеже. Написал за эти дни множество писем – все ответы на новогодние поздравления.

Дома более или менее спокойно, если не считать частых вечерних сборищ у Кати, сопровождаемых дикой американской музыкой и воплями ее подруг.

14 января

Кажется, из многого благополучно вылезая. Окончательно сделал стихи о Мейерхольде. Завтра подпишу договор в «Сов. писе» на «Ночной смотр» по 2 р. за строку. Завтра же получу Мандельштама в Лавке писателей. Письмо от Л. Левина: к февралю думает сдать книжку в изд-во (обо мне на польском языке). Написал Лиде Ждановой, что стихи латышской поэтессы не мое дело переводить. Почти закончил новые переводы из Хо Ши Мина. Всё дела, дела... а внутри – пусто и голо.

16 февраля

Время движется неудержимо, а дни мои похожи один на другой до полного совпадения.

Отвез в Театр Завадскому стихи о Мейерхольде. Сижу над новыми поправками к Хо Ши Мину, они плохо удаются. Надо обязательно написать о Хелемском к его шестидесятилетию для «Лит. России».

Вечером предстоит спектакль Завадского «Последняя жертва» по Островскому. От Сашуры все еще ничего нет, а я отослал ей Булгакова, не знаю, получила ли она.

Говорил со Стариковым насчет «Пушкина» в «Знамени»: как будто твердо решено, что печатают в апреле-мае. В сущности сейчас во главе угла для меня – деньги: пришла пора, когда это серьезно беспокоит меня. Неоткуда ждать денег. То, что получу за книгу, целиком – Кипсе, в дом. Сильно сомневаюсь, что удастся в начале февраля поездка в Псков и в Михайловское.

Приходил Яша Хелемский и застал меня за писанием статьи о нем. Она почти готова, так что удовлетворю и его и редакцию.

17 января

<...> Для меня все еще дилемма – ехать ли в феврале в Псков и к Зейченко. <...> В отношении Пушкина и его даты особых причин для поездки нет. Тем более, что в эти же дни вечер Мейерхольда. Но времени для решения достаточно.

Приходил Каверин. Сколько лет он не был у меня? Чуть ли не тридцать лет, со времен войны. Уговаривал меня расширить статью о Тынянове, в частности, сведениями о пьесе, посвященной русскому якобинцу Строганову. Снова впечатлён моим портретом писанным Завадским. Был недолго.

18 января

Был сегодня у Конст. Симонова, отнес ему книжку «Современника» и большой том «Путей и перепутий» Брюсова, где весь Брюсов дореволюционный – это в обмен на Блока, которого он подарил мне год тому назад. Костя записал в моем альбоме «Дом друзей» стихи, когда-то посвященные мне и Зое. Он действительно болен: было восп<аление> легких и троичного нерва, какие-то подозрения на язву желудка. Но выглядит здоровяком и уж до того деятельным, что удивляешься, как все это уместается в одном человеке. Скоро все-таки ляжет в больницу чуть ли не на месяц.

В Лавке писателей получил один экземпляр Мандельштама; Кира обещала на будущей неделе дать еще одного. На этом мои судорожные поиски этой труднодоступной книги кончаются. Хватит.

Вчера вечером пришло, наконец, письмо от Сашуры. Письмо на редкость милое; она тронута и обилием моих писем и Булгаковым, получила все это сразу, приехав из Михайловского, где была очередная скучная командировка. Пришло хорошее письмо от В. Орлова, на него сразу ответил. Сашуре хочу ответить в стихах, но сегодня уже не успею.

19 января

С утра еще одно – четвёртое – письмо от Сашуры, снова милое и доброе, хотя и короткое. На этот раз ее письма, одно за другим, приобрели новый оттенок и внимания ко мне и полной благожелательности, чего раньше не было. Но это признак ее собственного спокойного и делового самочувствия. Так начался день. А я, как решил вчера, отвечаю на этот раз стихами – что уже сделано.

Вечером пришли Дина и Йонас. Я хорошо придумал, накрыв стол со всякой снедью и вином у себя в комнате. Только что (10 минут 12-го) они ушли. Заварена мысль насчет передач о Первомайском, Ушакове, Твардовском. <...> Письмо от Драбкиной.

26 января

Утром звонила Наталья Банк, может быть, и придет сегодня. Был Конст. Поздняев, взял мою рекомендацию; кажется, доволен. Рассказывал много интересного о своих бедах. Письмо от поэта Сушко; ему уже ответил. Звонок из Ленинграда, из Театра им. Пушкина (Александринского): приглашение участвовать в вечере Мейерхольда 14 февраля. Знают о моих стихах. Будут звонить в понедельник: ставить ли меня на афише. Надо решать! Т. е. если да, то прямо из Пскова – в Питер? Выдержу ли?

27 января

<...> Через пень-колоду написал статью об Инне Заграевской. Приходил Николай Тарасов, кое-что читал свое. Весь день дома – на улице калачом не заманишь. <...>

28 января

Опять весь день дома. Только сел писать Гейченко, как от него письмо с приглашением. Оно шло девять дней, но это из Михайловского. Приходил Леонид Темин. Разговор вокруг Солженицына и Сахарова неизбежный при каждой встрече. Приходила Инна Заграевская, статьей довольна, взяла второй экземпляр. Вот и все за день. Завтра предстоит расширять статью о Тынянове (по договоренности с Кавериним).

29 января

Поехал в СП, в иностр. комитет, чтобы там отправить мой ответ лондонской моей корреспондентке N. Philipov. Купил себе пиджак за 26 рублей, очень подходящий, какой хотел. Получил бандеролью три книги Л. Стериновой. Надо послать ей книжку «Современник». С Сер. Васильевым послал три стихотворения в «Октябрь». А вечером были Карло и Гюльнара Каладзе, их сноха и Бесо Жгенти, которого я прихватил уже в вестибюле гостиницы. Только что, полодиннадцатого, уехали. День кончен.

30 января

Отвёз свои книги в партком ЦДЛ для раздачи неск<ольким> подшефным заводам. Затем у В. П. Ефанова взял свой портрет, сделанный углем и подаренный мне. Дома Ник<олай> Никиф<орович> повесил его у меня в комнате. <...> Кипсе и Кате портрет мой не нравится, а мне кажется, что интересный.

31 января

Сегодня утром снова письмо от Сашуры, и это окрасило весь день. Письмо с длинной благодарностью по поводу книг, которых нет у других, и о том, какие вытаращенные глаза у людей, видящих у нее Булгакова и Мандельштама, и о том, что совсем не это ей важно, а сам факт обладания такими любимыми вещами.

Днем пришел Володя Орлов, и тут же, разумеется, разговоры без конца на все, даже лишние и неожиданные темы. Он съездил со мной в УАП (Управление по Авторским Правам. – Сост.), где я получил деньги, вернулся опять ко мне, выпил чарку водки и пошел обедать к Ирине Снеговой, это рядом.

<...> Сильно переделал стихи о Мейерхольде, довел их до кондиции и договорился с Нателлой Лордкипанидзе, что в понедельник завезу их в «Неделю», но она кисло-ватно отнеслась к идее стихов Мейерхольду. Вл. Орлову они

понравились, но он утверждает, что у Чехова не Треплев, а Треплёв – чуть ли не в тексте поставлено такое ударение.

Итак, первый месяц этого года кончился. Что ж, трудился я на совесть, не всегда с удовольствием, но делал все, о чем меня просили, что заказывали. На книгу договор заключен. Люди, к-рые приходили, так или иначе дороги мне. Письма от Сашуры всегда радовали, а когда их не было, я ждал их, как всегда, с нетерпением. Остальное не слишком тревожило. Радуюсь, что <...> в каком-то сборнике будут воспроизведены Кипсины работы, цветные и черные. Радуюсь, что Катя увлекается поэзией, что ее художество тоже как будто ладится. Здоровье мое держится на одном уровне, вполне нормальном. Сейчас без четверти 12.

1 февраля

С утра в СП (Союзе писателей. – Сост.) договорился с Царевым о командировке в Псков, в тамошн. отделение СП договорился о билете на самолет утром 9-го. В магазине получил два комплекта четырех томов и это уже последние. В «Лит. России» получил экземпляр номера, где статья о Хелемском, Это первая моя публикация за 1974 год.

2 февраля

Сбежав из дома от Катиного дня рождения, я отправился с Карло Каладзе в Переделкино к Белле. И, кажется, попал из огня да в полымя. Белла была пьяна, но быстро отрезвела. Зато когда явилась Галя Евтушенко, начался уже полный Содом и черт знает что. Пришла и Лида Жданова. Я еле выдрался оттуда, предварительно проводив Лиду в дом творчества. Осадок от всего вечера у меня горький.

Звонил Шейко из Ленинграда и я решил лететь из Пскова в Ленинград. Стихи о Мейерхольде получились, и мне придется их читать в Александринском театре. Юра тоже будет там.

4 февраля

Утром письмо от Сашуры, как нечаянная радость. Тут же ответил.

Был на телевидении и смотрел всю свою передачу целиком. Она продолжается ровно полчаса. Но мне казалось, что гораздо дольше. Всё очень хорошо, за исключением моего внешнего вида и надтреснутого старческого голоса. Прелестна Белла. Короток и вразумителен Лесневский, да и Завадский в общем неплох, хотя можно было обойтись и без него. Но жаловаться грех. Смотрел и Кирсановскую передачу. Режиссура чуть манерна, но в целом неплохо. В «Знамени» заключил договор на печатанье работы о Пушкине в апреле-мае и завтра в «Правде» получу аванс 200 руб.

Вечером был Виктор Широков, к-рый слава богу перебазируется как врач в Москву, но первое время у него будет трудно с жильем, а у него жена и дочка. Билет на самолет в Псков уже в руках.

5 февраля

<...> В «Правде» получил деньги, из коих полтора отдал Кипсе. В «Неделе» внес поправки в стихи о Мейерхольде. Вот и все дела на сегодня.

Авантюра с поездкой издали увлекала меня больше, чем сейчас, когда она почти на носу. Причина в застарелой привычке к домоседству. С ней тоже надо бороться и преодолевать эту инерцию, как всякую другую. Вчера на телевидении познакомился с Кузаковым¹, прилюдным сыном Сталина. Это очень давнишняя история времен Туруханской ссылки Сталина. Детство и юность у этого человека были, очевидно, очень нелегкие, и только после смерти отца он воспрянул.

6 февраля

Утром был художник Кручина, показал акварельные протреты: мой и других. Он способный, но сходства настоящего добиться не умеет: все выходит сглажено, приблизительно. Очевидно, так требует этот жанр, предназначенный для школ.

От Гейченко подробное письмо с изложением всего, что предстоит 10 и 11-го. <...> Сашура обязательно должна поехать со мною в Михайловское, надеюсь, что в редакции ее отпустят.

Был у Ии Саввиной, отвез ей III-ий и IV-ый тома и книжку «Современника». У нее новая, прекрасная квартира на Б. Грузинской улице. Она была очень мила, подарила мне свою карточку. Поила водкой. Вернувшись от Ии, я много и крепко спал. Звонил из Ленинграда Шейко: афиши висят в городе, в них мое имя. А я ещё не решил, как быть. Не больно хочется ехать в Ленинград на полтора дня! Но окончательно решу только в Пскове.

7 февраля

Отправил телеграмму Гейченко и звонил Сашуре о своем прилете послезавтра. Вылетаю в 10.42, т. е. в воздухе больше 2 часов. Наверно, машина (вроде кукурузника) будет здорово качать.

Написал для Гейченко поздравительные стихи плюс песню. Программа Гейченко на 10-ое: панихида и митинг у памятника, выступление в Доме культуры, на 11-ое: празднование дня рождения, пироги, тройка с бубенцами к Абраму Ганнибалу. <...>

8 февраля

Отвез стихи Завадскому, взял командировку в Бюро пропаганды, купил кулон (или как это называется) Сашуре. Вот и все дела сегодня. Прощаюсь с этой тетрадью до возвращения в Москву.

9 февраля

Старый дурак! Я позорно опоздал на самолет и лечу только в 6 ч. вечера. Отлично знал, что отлет в 9 ч. 42 м., а утром сегодня решил, что 10 ч. 42 м. Кажется, такой конфуз в первый раз в жизни. Послал об этом срочные телеграммы Сашуре и Гейченко.. <...>

15 февраля

Вчера после многих мытарств вернулся я из вояжа в Михайловское и Псков. Описывать подробно поездку в силу большой усталости не могу. Было всё: и хорошее, и никакое. Плохого совсем не было, разве только то, что два раза излишне надирался. Были мои выступления: на открытом митинге у памятника в Святогорском монастыре и там же, в Пушкинск. горах в Доме культуры; было щедрое гостеприимство со стороны Гейченко, много съехавшихся к нему друзей, больше художников. Потом был Псков, выступление в тамошнем пединституте, и затем организованные Сашурой встречи и бдения у ее друзей.

Сашура была как центр притяжения, причем, очень разная: и сугубо внимательная, добрая, увлеченная и, вместе с тем, резко враждебная, угрюмая и совершенно чужая. Много мелькало: лица, разговоры, споры. <...> Сашура демонстрировала меня, как редкого зверя, остерегаясь, что зверь выкинет что-нибудь....

Потрясающее действие произвел слух о том, что Солженицын арестован. Это было третьего дня, а вчера стало известно, что он уже за пределами СССР. Конечно, он был темой многих разговоров за последние два дня. Вообще, я здорово устал, но поскольку все уже в прошлом, помаленьку отхожу.

В «Неделе» напечатаны мои стихи о Мейерхольде. Послал вырезку Сашуре, ибо она сильно возражала против одной из строф. Что значит другое, намного более молодое поколение!

Звонил из Ленинграда все тот же Шейко: оказывается, и Завадский не поехал, сославшись на болезнь. Но мои стихи прочел В. Рецептор (я сам и предложил это Шейко).

Кроме письма Сашуре послал также письмо Рецептору: и стихотворное послание (в ответ на его такое же) и книжку «Современника». Сейчас я один дома. «Мейерхольд» – вторая моя публикация за 74 г., и по сравнению с началом 73-го это ничтожно мало. Наверно, в 1974 году много и не предвидится.

Сейчас главная забота – «Ночной Дозор»: его окончательная редакция, его пуск в производство. И еще забота – заявление в Гослит на имя директора о книге переводов, которую предлагаю как дополнительный том к четырехтомнику, с похожим оформлением и обязательным выпуском в 1976-ом. Вот как далеко осмеливаюсь заглядывать на 78-м году жизни! Но эти два с половиной года должны пройти, как и все предыдущие, стремительно быстро. Оглянуться не успеем, как зима катит в глаза!

16 февраля

<...> Приходил Виктор Широков, у которого жизнь и работа в Москве налаживаются. Работа по специальности: он врач-окулист и уже принят в районную поликлинику где-то около Химок и даже может получить комнату в 20 метров, т. е. вызвать и жену и дочку. С печатанием дело сложнее намного.

Отказался то того, чтобы статья о Заграевской была в журн<але> «Детская литература» ибо ее планируют на август, что явное издевательство. Кажется, смогу пристроить эту злосчастную статью другим, более эффективным путем. В Лавке писателей моей книжки из «Современника» добыть уже невозможно: все разошлось.

Редакция газеты «Советская культура» заказала мне статью о пушкинской драматургии, его театре. Очень занимательная тема, и у меня уже наклеиваются разные мысли, особенно о маленьких трагедиях, о сцене из Фауста. О «Годунове» тоже, но менее точные и ясные мне самому. В «Годунове» привлекает только самозванец, и в какой-то степени Марина.

Есть еще один заказ самому себе – написать о нескольких мемуарных книгах: Каверина («Собеседник»), Долматовского («Было») и, может быть, Козинцева («Глубокий экран»). Сверх того необходимо закончить нужные вставки в статью о Тынянове, которая уже есть в IV-ом томе.

18 февраля

С утра повез в Гослит заявление о томе французских переводов, отдал его прямо в руки директору Сомову. Встретил (внешне) самую большую благожелательность. Что означает она на самом деле, трудно сказать. Надеюсь на лучшее. Прочли это заявление и Пузииков, а за ним и Лозовецкий.

Поехал в СП и получил командировочные за всю поездку в размере 58 р. с копейками, что сейчас очень кстати.

Звонила Малхазова из «Сов. писа» насчет возражений со стороны злого гения Бориса Соловьева: он против упоминаний Ницше в моей статье о Пушкине. Я уже переделал эту несчастную страницу, что мало отразилось на всей концепции: умный читатель поймет, кого я имею в виду.

20 февраля

Вчера в ЦДЛ был продолжительный разговор с турецким поэтом (через иностр. комиссию), который интересовался всякой ерундой, задавал наивные вопросы. Существо он мало понятливое, несмотря на хорошее знание русского языка. Там же маячила Инна Заграевская неизвестно зачем.

Сегодня получил пенсию, был в «Сов. писа», где вставил исправл. страницу в рукопись о Пушкине, там же получил верстку статьи (первой части из «Знамени»). <...> Получил также гранку статьи из «Комс. правды»; тоже есть кое-какие мелкие оплошности, но статья правлена с толком, и ее можно печатать. Получил письмо от Рецептера. Пишет о том, как прошел вечер Мейерхольда.

21 февраля

Отвез в «Знамя» корректуру первой части о Пушкине. Там очень маленькая девочка, Светлана. Все хорошо поняла и обещала аккуратно перенести правку и некоторые дополнения куда надо. Оттуда в ЦДЛ, заплатил партвзносы за январь-февраль и пообедал с Вол. Орловым, к-рый после завтра устремляется в Югославию. Рядом были Ваншенкин и дурак гл. редактор «Невы», с которым 2 года назад был сугубо неприятный разговор о «Кубке большого орла», когда он заставлял бедного Всеволода Рождественского следовать его, редакторским, идиотическим соображениям, если только у него были таковые. Но это дело давно минувшее, и чёрт с ним, с этим Поповым.

От Сашуры ни одной строки. Где она, что с ней, чем объяснить молчание, я не знаю.

22 февраля

Звонил в Псков Сашуре и очень правильно сделал. Оказалось, все это время после моего отъезда она пролежала у друзей больная – сердце. Она гораздо слабее, чем можно предполагать. С меня все эти излишние возлияния, поздние посиделки у чужих людей, как с гуся вода, а она, бедняжка, совсем раскисла. Обещала написать, но накануне Дня армии письма, небось, будут идти дольше, чем обычно, так что когда еще придет это жданное письмо, бог знает. А мне оно как воздух и хлеб.

Завез в Гослит верстку IV-ого тома Брюсова, а на обратном пути купил себе модную кепку за 4 рубля. Пишу помаленьку статью о пушкинской драматургии для «Советской культуры». Прочел в первом номере «Иностр. литературы» какие-то засахаренные «Письма к незнакомке» Моруа. Совершенная дрянь. Работается мне туго.

23 февраля

Письмо от Лёвы Левина из Варшавы с перечислением того, что войдет в будущую книгу. Она достаточно обширна и разнообразна, хотя кажется мне далеко не полной и кое в чем субъективной. Это уже участь всякого автора, который подчинён чужому выбору. Еще письмо от Гольдичей. На оба ответил. <...>.

24 февраля

Получил очень хорошие фотографии из Пушкинских гор, которые сделал редактор тамошней газеты. Есть и с Сашурой. Но до чего же я стар и дряхл! Это полезно – видеть себя самого в таком неприкрашенном виде.

Почти закончил статью для «Сов. культуры» о пушкинской драматургии. Она выходит чрезмерно большой, но сокращать сам не буду, пускай редакция сделает, как хочет. У нас опять осложнения с машиной. Боюсь, что завтра надо будет вызвать такси, чтобы попасть в «Неделю», а там ругаться и получить деньги за стихи.

25 февраля

Часа в два, благодаря такси, весь свой деловой день проделал в течение часа: получил 50 р. в «Неделе» и договорился в «Знамени», что статья будет называться просто «Образ времени», ибо ей уже предшествует общий заголовок: К 175-летию Пушкина, дескать и без того ясно, что это за «образ времени», чей и у кого. Логика, можно сказать, беспощадная, но на то и Вадим Кожевников!

Только что ушла Инна Заграевская, которой завтра предстоит испытание: примут ли ее, наконец, в СП или во второй раз откажут? Очень волнуется, но крепится.

Утром очень недолго были Виктор Широков и Карзанов, совершенно исправивший мой любимый фотографический аппарат «Зоркий», с которым я легко справляюсь в отношении наводки.

От Всев. Рождественского письмо. Статья о пушкинской драматургии закончена.

26 февраля

Весь день печатал на машинке статью о пушкинском театре. В ней всего 12 с половиной страниц, гораздо меньше, чем я представлял себе. Правда, я многое сократил. Как раз столько и требовали для газеты. Завтра за ней пришлют.

27 февраля

Все утро у меня был Виктор Фогельсон и общими усилиями рукопись «Ночного Смотра» приведена в порядок. Её дальнейшее «прохождение» зависит от сил, не поддающихся предвидению и учету. Виктор надеется, что все это в пределах марта прояснится. Из «Советской культуры» был курьер и взял мою рукопись о театре Пушкина. В ЦДЛ идет пленум правления Моск. организации, куда меня совсем не тянет. Виктор поехал туда. Он много рассказывал об исключительном положении Жени Евтушенко. Разумеется, Евтушенко – явление своего рода, раб своего характера и при этом хозяин своего положения на этом свете. В нем добро и зло смешаны в такой густой пропорции и в то же время так наивно и так жизненно, что в общем дай ему Бог здоровья!<...>

Заграевская с блеском прошла в члены СП. Вечером она зайдет.

28 февраля

Утром, как я и ожидал, письмо от Сашуры, по-своему очень печальное и, увы, характерное. Она, было начала писать мне в тот же день, когда я звонил в Псков, но тут же нагрянула какая-то компания и завлекла ее во всепьянейшую авантюру, связанную с предстоящим военным праздником. Сашура уверяет, что в пьянстве не принимала участия, но это длилось три дня, и потом она, очухавшись, наконец, взялась за письмо. Значит, перерыв – антракт и мрак. Она в иных случаях – кремь, а в других – тряпка. Об этом я уже написал ей и утром самолично опустил письмо в почтовый ящик.

Далее нашел такси и отправился за подарком для Ии Саввиной, у которой послезавтра день рождения. Купил колечко с яшмой, боюсь, ей оно широко, но другого не нашел.

Звонили из газеты «Moscow news» («Московские новости». – Сост.). Просят написать о Чили несколько строк. Почти сделал. Звонила внучка Меейрхольда: 13-го его вечер в МГУ. Я согласился участвовать. Звонил Йонас: как будто моя передача уже назначена где-то на самый конец марта. Пускай хоть так.

Стал перечитывать свои дневники 71-72 гг. До чего же они полны примерно таким же содержанием, что этот, с безумной последовательностью упоминания Сашуры. Сюда же вклеивается Наталишка, как явное наваждение. Не вклеивается, а врывается как-то помимо моей воли. Это не реконструкция задним числом, а правда, ибо Сашура или Санька остается на своем гранитном пьедестале, как счастье-несчастье моей нынешней жизни, незаблему.

1 марта

Третий месяц семьдесят четвертого года начался полдевятого утра. Я вскочил, зная, что надо срочно напечатать на машинке о Чили. И только успел это сделать, как раздался звонок из «Москау ньюс». Звонившая оказалась дочкой Л. М. Красногладовой. Она заедет за материалом, ибо считает нужным снять меня.

Вчера смотрел очень неплохой болгарский фильм «Черные ангелы». Вечером его продолжение. Своеобразный вариант «Молодой гвардии».

Была дочка Красногладовой с фотографом, который бесконечно снимал меня. Статья пойдет на четырех языках, т. е. кроме английского, на французском, испанском и арабском. <...>

2 марта

С утра позвонил Ии Саввиной, поздравил ее с днем рождения, так что вечер уже определен: у нее “a la fourchette” (фуршет, пер. с фр. – Сост.), как она выражается. Звонил Лидии Михайловне, и тут же дочка сообщила, что моя статейка одобрена в редакции, пойдет на будущей неделе.

В «Неделе» Евтушенко открыто упоминается несколько раз, из чего можно заключить, что он вне опалы.

3 марта

Вера вечером у Ии Саввиной было много народу, прежде всего, ее друзья из Театра Моссовета. Была и та, которая играет Дуню Раскольникову, со своим мужем не актером, эта пара скоро станет нашими соседями – дверь в дверь (Э.П. Бруновская и Л.В.Почивалов. – Сост.) Были Белла с Эльдаром, Россельсы, Вл. Васильев с женой Максимовой, жена Ефремова и еще фигуры неизвестные мне. Хорошая еда, водка, к которой я крепко приложился. Было весело и непринужденно, но больше 2-х часов пребывания там я не выдержал и в 11 ч., вызвав такси, отправился домой. Какое впечатление на Ию произвело мое колечко,

судить не берусь, но улыбка, благодарность, поцелуи были как будто искренними и щедрыми.

4 марта

Вызвал Псков и очень долго, почти два часа ждал. Говорил с Сашурой. Сидит в редакции, что-то пишет, ей грозят кулаком за то, что оторвалась от дела.

Принесли из редакции «Moscow news» фотографии. Предлагают мне выбрать – какую печатать. Кстати, поскольку «кампания протеста в отношении Чили закончена», моя статья появится только на испанском языке. Логика потрясающая по идиотизму. К тому же рядом отклик художника Ильи Глазунова, – все это вместе отвратительно!

Звонил Завадский: Вере (В. Марецкой, жене Г.А.Завадского. – Сост.) как будто лучше, она уже в Кунцевской больнице. Завтра, м. б., мы встретимся.

А вечером в ЦДЛ. Там множество разного народа, среди которого и Белла с Эльдаром. Только что, без 5-ти минут десять вернулся, малость упитый и сытый. День кончен. А если бы к тому же хоть письмишко от Сашуры, то можно бы и жить дальше, но письмишка нет.

5 марта

В 12 часов был у Юры Завадского. Здоровье Веры как-будто лучше и он успокоился. Новая постановка в его театре пьесы Радзинского вызвала отпор какого-то мерзавца Ягодкина из Моск. Комитета партии. Юра готов на борьбу, на встречи с Демичевым, Косыгиным, Брежневым, чтобы отразить этот удар. Мы еще раз признались друг другу в удивительности нашей дружбы.

От него поехал и подписался на собр. соч. Кирсанова и выкупил 7 и 8 тома Достоевского.

Потом пошли звонки. Тимур Степанов («Комс. правда») заедет по поводу статьи. Написал ответ редактору в «Пушкинские горы». Приедет редактор книги Беллы: речь идет о сокращении моей статьи. Звонили из «Сов. культуры»: заедут ко мне статьей – нужна какая-то мелкая правка. Все это внешние признаки полноты жизни, а на самом деле – пустота, безвоздушный вакуум. <...>

6 марта

Утром вместе с редактором книги Беллы мы сократили мою вступительную статью к книге, и статья, надо сказать, ничего не потеряла. Тут же появился курьер из «Знамени» со сверкой первой части «Образа времени». Я стал читать и ахнул от множества искажений, пропущенных строк, опечаток в должествующей быть чистой сверке – ибо она прямо идет в печать. Пришлось съездить в редакцию, но <...> все поправимо, даже уже исправлено. А вот с «Советской культурой» сегодня ничего не вышло. Они обещают быть завтра в 10 ч. утра. Тоже предстоит немалое сокращение. С редакцией «Октября» договорился по телефону, продиктовал единственную строку, которая выпала.

Звонок из Гослита, из отдела классики – чтобы я обязательно сам добивался заказа мне статьи о «Петербурге» Андрея Белого. Внутри редакции этого очень хотят, а вот заведующая редакцией рада бы только тянуть дело с этой книгой. Так что завтра мне предстоит соответствующий разговор с Пузиковым, который (заранее можно сказать) тоже будет тянуть и нудить. Вот и всё за день.

Еще звонил Каверину в Переделкино. Оказывается он уже полтора месяца лежит в инфаркте. Лида обещала ответить, когда можно будет к нему приехать. И Сер. Васильев тоже в инфаркте – это уже третий у него.

8 марта

Утром в Вострякове у Зои. Все как было, как будет всегда. Бедный барельеф почернел, никаких отблесков бронзы. Кажется, что стела чуть покосилась – на этот раз влево. Года два назад было обратное и могло бы закончиться катастрофой, но я вовремя заметил и за 50 рублей тамошние мастера проложили под камнем рельсы, бетон и все прочее. Значит, недостаточно. Весной придется снова бить тревогу, как только подсохнет земля. Со мной ездила и Маша Синельникова².

9 марта

Что-то я уже начинаю серьезно беспокоиться об отсутствии всяких вестей от Сашуры. <...> И снился мне наутро странный сон, мучительный и сладкий, но до того уж путанный, что его невозможно понять. Главным действующим лицом была она, и страдающая и рвущаяся ко мне. А рядом какие-то важные персоны, члены нашего правительства. Чуть ли они не мои соперники. Словом, дикая ерунда, настолько искажающая истинное положение вещей, что дальше некуда. Не знаю, что все это означает, но, несомненно, выдаёт внутреннюю тревогу. Доминанта внутренней жизни остается прежней, все на том же заколдованном месте.

А вечером письмо от неё! Наконец-то! И уж такое доброе и внимательное, какого я и не ждал. Она – нормальный, трезвый и по-своему даже мудрый человек. И тут же письмо от Наталишки. Почему такие разные письма оказываются в ящике рядом? И не в первый раз.

10 марта

День был совершенно пустой, почти не рабочий, хотя я пытался начать и сдвинуть хоть немного статью о «Петербурге» Андрея Белого.

Звонили Йонас и Дина: моя передача была уже твердо назначена на самый конец марта, 31-го, но как будто Кузаков распорядился дать ее раньше – 18-го. Их смущает, что статейка в их газете уже не сможет появиться к сроку. Я убеждаю их, что это не столь важно..

Звонила и Дангулова: как будто со статьей уже все в порядке, сокращений не требуется и она старается продвинуть статью как можно скорее. Но в последнее я не слишком верю.

11 марта

Звонили из клуба МГУ, напомнили о вечере Мейерхольда. Будут еще Ильинский, Мартинский, внучка Мейерхольда, актриса Тяпкина, кто-то еще...

В редакции «Сов. культуры» обрабатывал текст «Пушкинского театра». Оказалось, что в редакции согласны на любую величину статьи. Е. С. Дангулова очень мила и совсем не глупа. Сейчас она перепечатывает наши совместные вставки и коррективы. Вечером обещала позвонить: как и что. Прошлогодня моя статья о Завадском считается лучшим материалом по отделу театра. Хотят, чтобы и на этот раз я не оплошал.

Звонил Йонас: моя передача 18-го в понедельник в 17 ч. Перемене в сроке передачи я обязан незаконнорожденному отпрыску Сталина, ничего не скажешь...

Пошла работа над статьей о «Петербурге» А. Белого. Но зав. редакцией классики Акопова тянет и тянет: как будто вообще против издания романа. Я говорил с Пузиковым, нерешительным субъектом, и решил действовать наперекор и на свой страх и риск.

Перевел Сашуре сотнягу.

13 марта

Звонили из клуба МГУ – оттуда пришлют машину. Наша сегодня бастует: Ник. Павл. занят где-то в Моссовете. К вечеру я как-то подготовился: начну со стихов, а потом – мои воспоминания, для чего перечел свою статью 1972-го года, напечатанную в журнале «Театр».

Машина из МГУ пришла с опозданием на полчаса: и сопровождающий и водитель были одинаково бестолковы не только ища меня и улице Щукина, но и на пути в МГУ. Я пришел, когда длинно и витиевато говорил режиссер Комиссаржевский. Потом говорил Варпаховский – травил всякие анекдоты, связанные с Мейерхольдом. Зато актриса Тяпкина очень интересно и правдиво рассказывала «как учил» ее Мейерхольд. Потом говорил Юра Завадский, более или менее складно пересказывал свою статью (в «Комс. правде»). Меня встретили аплодисментами, а после стихотворения просто взбесились. Дальше, сильно сокращая рассказ, я говорил о Мейерхольде в театре Вахтангова, о его концовках в «Лесе», в «Горе от ума», в «Ревизоре» и как-будто этим и закончил. Пришли Дина и Йонас, поймали такси, и я прикатил домой к 11 ч. веч.

14 марта

Письмо от Сашуры, но уж больно беглое и поверхностное. Кончилось так: «О себе писать больше нечего. Жизнь начисто лишена внешних событий, а внутри что делается и сама не разберусь. Что уж писать об этом! До свидания». Вот и пойми как хочешь! Ответил ей.

Был молодой человек (29-ти лет), поэт. Я кое-что посоветовал ему. Мечтает о Литинституте, но по-моему это ему не нужно. Звонил редактор «Сов. культуры», который рангом выше Дангуловой: дело свелось к тому, чтобы вычеркнуть одну

фразу. Значит статья действительно скоро появится. Для меня, по правде, это важно в отношении денег.

По телевидению интересно поставленный фильм. Чехов, Лика Мизинова (Марина Влади), Мария Павловна (Ия), Потапенко (Юрий Яковлев) и другие. В центре сюжета и неудавшаяся любовь Чехова и Лики, и провал «Чайки», и Мелихово и даже Сахалин, – все отчасти условно и только этим сильно. Саввина играет сердечнее и обаятельнее всех. Про Чехова нечего сказать, его играет актер вялый, посредственный, скучноватый.

15 марта

Курьер, посланный еще вчера из редакции «Nouvelles du Moscow» (Новости из Москвы, пер. с фр. – Сост.), так и не явился даже сегодня. А статья моя там уже напечатана. Значит, жди до понедельника. В газете «Радио и Кино» есть заметка Иващенко обо мне – обычные слова, сказанные и мной и другими, но больше и не требуется, если вообще что-нибудь требуется.

Вечером очень ненадолго заходил Вол. Орлов, вернувшийся из Югославии. В восторге от Дубровника и Сплита, говорил о полной свободе в отношении порнографии на экране и в их журналах, которых издается множество. Орлов сегодня уезжает в Л<енинград>д, в апреле будет на пленуме правления СП СССР.

Вечером же были Дина и Йонас. Серьезно заваривается передача об Ушакове и намечена дальше – о Первомайском. Все это ложится на меня: ничего не поделаешь. Получил газету со статьей Иващенко к моей передаче. Она (статья) копия всего, что обычно пишут о моей поэзии, о приверженности к истории и прочее, но ничего другого я и не ждал.

16 марта

День начался с какого-то крупного скандала: Кипса и Варя, разбитая чашка, уход Вари и брошенные на стол ключи от дома. Чьи тут нервы, чья правота? – Не все ли равно. Пускай будет, как угодно.

Звонила Инна и уж совсем неожиданное и страшное известие: умерла старшая дочка Маргариты Алигер, Таня. От лейкемии (рак крови). Ей 33 года. Долго болела. Месяц назад я говорил с Ритой по телефону, она сказала, что Таня больна, но что дело так серьезно – об этом не обмолвилась. Мож. быть, и сама об этом не знала. Только что звонил к Матусовским, говорил с Женей, от нее все эти подробности.

Жизнь Маргариты вообще страшная. Первый ее муж, отец Тани, погиб в самом начале войны, в августе 1941-го г. Потом она потеряла Фадеева (отца Маши). Недавняя смерть Первомайского – тоже личная для нее утрата.

18 марта

Сегодня ровно в пять вечера передача по телевидению. Дина и Йонас пришли чуть раньше, и Йонас тут же обнаружил, почему изображение дефектно: оказалось что вилка антенны сзади чуть-чуть держится. Он вдвинул ее глубже и все

в порядке. Передача произвела на меня то же впечатление, что и в январе в Останкине. Я безбожно много машу руками.

Все эти дни читаю книгу Владимирова «Особый район Китая – 1942-45». Книга страшноватая. Симонов давно уже говорил мне о ней. Автор – большой умница и давным-давно (об этом говорит и заглавие) раскусил Мао Цзэдуна и его линию, его чудовищное желание власти и только ее одной. У него (автора) были для такой разгадки все возможности. Интересно, что книга эта вышла с таким опозданием. Могла бы выйти и в 60-х годах. Выход ее именно сейчас тоже наводит на невеселые мысли. Он означает, что какое бы то ни было изменение в напряженности наших отношений с Китаем уже и не предвидится. Книгу эту необходимо внимательно прочесть всем-всем-всем. Документик что надо!

19 марта

В «Знамени» проглядел (увы, бегло) последнюю сверку, в ней тоже обнаружил глупые опечатки. Обещают их исправить, жалуются на типографию «Правды» – казалось бы, должна быть образцовой, а вот поди ж ты! Вторая часть тоже засылается в набор, стало быть скоро будет верстка.

Йонас звонил: 28-го будет повторена моя передача по IV-ой программе, – значит только на Москву. Звонил Рецепттер: останется в Москве на 5 дней, мы встретимся обязательно. Много звонков о вчерашней передаче, много похвал по моему адресу. Я продолжаю настаивать на том, что необходимо до зарезу не размахивать зря руками, вообще – поменьше рук! И поменьше интонационных подчеркиваний чего бы то ни было.

Только что закончил страшную книгу Владимирова. Она и в высшей степени нужная: личность Мао Цзэдуна обрисована с полной достоверностью. Тут и линия, и намеренность этой линии, и высокое мнение о собств. особе, и жестокость, и трусость, и малая грамотность, и забавные мелочи. Словом, важный документ целой эпохи, которая, оказывается, началась гораздо раньше, чем обычно мы представляли себе. С самого начала политической карьеры М. Цзэдун был нашим врагом, но очень умело маскировался и под друга, и под брата. Впрочем, и другие его сподвижники и даже те, что его не принимали, – все они скопом ничто иное, как разнузданная и беспринципная банда, если и связанная с кем-то и чем-то в народе, то разве что с кулацким крестьянством в Китае. А о том, как китайцы умеют ловко прикидываться и обманывать, я уже знал в 1958 году, когда был там и наши друзья убеждали меня ничему не верить, ничем не обольщаться...

20 марта

С утра Вл. Мих., с которым баш на баш сыграли две партии в шахматы. Пробовал звонить в Псков, но Сашура, оказывается, в Великих Луках до понедельника 25-го. Решил все-таки пойти сегодня на вечер Галактиона Табидзе и прочесть один или два свои перевода: они не так уж плохи.

Звонила Таня Калинина, хочет сегодня тоже пойти в ЦДЛ, послушать Беллу, которая читает «В кругу друзей». Говорил с Цангуловой, обещала прояснить, как обстоит дело с печатанием моей статьи, но пока что-то не звонит. Вчера звонил

Симонов насчет Гал. Табидзе. Кроме сегодняшнего вечера, еще завтра предстоит застолье с грузинами в том же ЦДЛ. Тут я наверно спасую, ей-богу, нет охоты.

Получил пенсию и в связи с этим запасаю табаком чуть не на месяц. А вообще с деньгами пока у меня не ахти. Правда, предстоит, но уже в апреле – за первую часть «Образы времени», но видимо не раньше 15-го.

21 марта

Вчера вечером совсем глупая история. Я разлетелся в ЦДЛ, уверенный что вечер Галактиона Табидзе именно там, а он – в Колонном зале. Поэтому долго ждал, когда начнется так наз. «В кругу друзей» и появится Белла. Того же ждала и Таня Калинина. Прослушал как читала Белла и после этого быстро вернулся домой. Зря потраченный вечер.

С утра до 3-х ч. у меня был соученик Сашуры в ВКШ, Валерий Михайлов – в сравнении с нею он очень благополучен: сын влиятельного товарища в Казахстане, устроился в центр<альной> газете Алма-Аты чуть ли не разъездным корреспондентом, когда хочет является в Москву. Парень в общем милый и во многом разбирается, знает французский язык.

Уже середина дня, спал я до пол-одиннадцатого: как это меня угораздило, не могу понять. Ничего не хочется делать, а надо бы закончить статью о «Петербурге» Андрея Белого. Письмо от Вс. Рождественского, к тому же не отвеченное письмо лежит от Гольдичей. Но и на такой малый труд не могу сподвигнуть себя. Вчера было обещал Белле, что завтра к ней приеду, но боюсь, и этого не сделаю. <...> Письма от Аси Цветаевой (совершенно неудобочитаемое, как всегда) и от Вс. Рождественского.

22 марта

Утром написал письма Гольдичам, Вс. Рождественскому и (не удержался) Сашуре – пускай в понедельник получит. Был в «Лавке писателей» - купил «С Францией в сердце» для Гольдичей, Ивлина Во и переводы Лозинского – в нашей серии изд. «Прогресса». Встретил там В. Ч. Лидина и посылаю ему книжку изд. «Современник». Пока – все. И время обеда.

Была Инна Заграевская. С нею постоянно происходят какие-то непонятные истории. Из ее «дела» в приемной комиссии СП пропала как раз моя статья. Кроме того, в редакцию «Учительской газеты» поступил таинственный звонок, неизвестно чей, чтобы не печатали ничего об Инне. Ясно, что тут действуют какие-то темные силы. Она и нервничает и в то же время как будто хвалится или довольна тем, что находится в центре интриги.

23 марта

День начался, можно сказать, отменно! Письмо от Сашуры из Великих Лук и очень славное письмо. И как на заказ опять оно совпало с письмом от Наталишки, к-рая прислала свою фотокарточку с дочерью.

Был Маркуша не очень долго, рассказал об интересной пьесе Шоу, не переведенной у нас. Я предложил ему переводить ее вместе, ибо он боится за нелитературность своего слога. Пьеса действительно занятная. Одно из действующих лиц – Ньютон, якобы предсказывающий Эйнштейна. Все полно шоувским юмором и остротой. Среди действующих лиц три любовницы короля. А вдруг это заинтересует вахтанговцев или Завадского!

На все письма ответил. Звонила Таня Калинина, сегодня возвращается в Ленинград.

24 марта

Таня так и не зашла вчера. Зато вместо нее сначала появился Виктор Широков, и следом за ним – подруга Сашуры, делившая с нами в Пскове все похождения, Валя Балкова, по роду работы реставратор, скромная девица, обожающая Булата Окуджаву, двадцатипятилетняя, сентиментальная. Втроем мы отправились в ЦДЛ, выпили две бутылки цинандали и поели. Все как полагается в моих нынешних обычаях, когда дома принимать мне особенно не хочется, да и неудобно. Всё это каждый раз повторяется и стоит безумных денег. А на душе осадок горький.

В течение всей ночи Катя где-то гуляла. Кипса поехала ее искать (бог знает где!). А Катя только что вернулась в 1 ч. дня с каким-то парнем.

Начал писать о 1799 годе, но никак не могу сосредоточиться по-настоящему. Мое рабочее состояние, которому я так радовался недавно, пошло явно на убыль. Еще одна заброшенная работа – о «Петербурге» Андрея Белого. Я догадываюсь, откуда пошло это «на убыль»: уж очень раздражает трудность прохождения всего написанного за последн. время.... Связи с «Комс. правдой» и «Советск. культурой» ненормально сложны и ненадежны. Вот почему мне трудно серьезно сесть за новое. Да и судьба «Ночного смотра» совсем не радует. Завтра предстоит встреча с Фогельсоном и, надеюсь, более твердое решение насчет книги.

25 марта

По крайней мере день начался с самого лучшего, что могло быть: дозвонился в Псков к Сашуре и телефон дали очень быстро. Она вернулась раньше чем думала, потому что заболела гриппом. В газете у нее уже набран какой-то кусок из моего Пушкина. Обещала сегодня же написать мне, а завтра послать газету.

Сегодня мне предстоит серьезный разговор в «Сов. писе» насчет «Ночного смотра». Не знаю, чего смогу добиться. Быть просителем дело отвратительное на 78 году жизни, но увы, именно это мне предстоит.

Звонил из «Сов. культуры» редактор отдела: статья уже набрана, сегодня поеду читать, а 29-го, очевидно, будет напечатано. Говорил с Сартаковым о помощи и заступничестве в «Сов. писе». Оставил у Ильина заявление насчет «Жигулей», он тут же обещал, что я буду в первой десятке кандидатов и написал об этом прямо на моем заявлении. В «Совписе» говорил и с Фогельсоном и с Медведевым, – с последним об оформлении книжки. В «Сов. культуре» вычитал корректуру статьи, вполне благополучную. Она занимает всего газетную полосу – 6 столбцов. В том же

«Совписе» узнал, что сборник уже в производстве, будет печататься в Туле! Утверждают, что это лучше, чем в Москве – к июню выйдет наверняка. Коротко же: такого делового дня у меня давно уже не было.

А к тому же утренний разговор с Сашурой! Дай ей Бог здоровья.

26 марта

Сегодня вычитывал первую верстку в «Знамени». Ее безбожно и нелепо сократили. Убран весь мой конец, всему подводящий итог, без которого статья вообще повисает в воздухе. Перепутано множество строк, так что я и не знал, как их исправлять. Милая девушка Светлана тоже ничего не могла понять. Кажется, конец будет все-таки восстановлен. Подозреваю, что «правка» была произведена по рукописи Сашей Скориной, обнаружившей в этом свое невежество и незнание элементарной грамоты. А вот сейчас позвонил Дангуловой и узнал, что в «Сов. культуре» другая статья снова отложена – уже на 2 апреля. Хотя вчера зав. отделом театра клялся-божился, что она (статья) выйдет завтра. Так сегодняшний день не похож на вчерашний.

Получил письмо от Л.Левина: книжка моя у него уже пошла в производство. Кое-что он добавил к старому списку и просил дать библиографич. справку после 66 года. Уже подробно ответил ему.

Послал Сашуре том Ивлин Во, хотя сам и не дочел книгу: надеюсь, что достану в Лавке писателей. Очень интересный писатель.

Катя уезжает сегодня в Ленинград со своим парнем и его отцом. Действительно, моя внучка совсем взрослая девица. Кипса легко отпускает ее – боюсь, что от бессилия возражать.

Встреча с Диной и Йонасом отложена на четверг. Кажется, это все, что сегодня было. Вечером придет В. Широков с женой. Пока я один в доме и плохо слышу телеф. звонки, они вообще еле-еле трещат.

28 марта

Сегодня с утра от Сашуры пришло неск. экземпляров газеты с моей статьей (отрывки из первой части о Пушкине). Послал ей верстку второй части о Пушкине. <...> Сегодня предстоит вечером приход Дины с Йонасом и Лесневских. Купил 4 бут. «Бычьей крови» и два торта «Прага». Остальное Йонас взял на себя: так справляется день рождения Дины. Оказывается, Йонас ещё и повар – обещал приготовить мясо особым манером.

29 марта

Письмо от Сашуры. Послано в тот же день, что газеты. Значит авиа идет дольше, чем простое письмо. Оно и содержательное, и с добрым чувством писано, надо отдать ей эту справедливость, но уж больно тяжело ей живется. Всё яснее понимает она, что это надолго, что Пскову не предвидится конца, что с жильем более оседлым тоже предстоит долгая канитель. Сломлена этими обстоятельствами. И ее конечно можно понять. Отвечая, старался как-то взбодрить. <...>

А вчера вечером Йонас показал себя настоящим мастером-поваром. Сидели мы впятером непринужденно, весело, смотрели во второй раз передачу и радовались Белле, которая только одна и безупречна.

Завез в «Знамя» деньги за 5 экз. апрельского номера. Из «Сов. культуры» звонили относительно трех цитат – уверяют, что статья идёт 2-го апреля. Так что моя папка с вырезками сильно потолстеет, и дело приблизится к деньгам, которые уже у меня на исходе. Спал сегодня плохо: сказалось вчерашнее неумеренное питье. Сейчас один в доме. Кипса уехала по разным делам и как будто надолго. Позвонил Вол. Медведеву, что решительно не смогу сам оформлять книгу, так что вся его претензия ко мне – хороший мой автограф (подпись) – фломастером.

31 марта

Сегодня воскресенье, а у меня совершенно пустой день. Читаю какую-то американскую писательницу. Как будто это интересно, но сосредоточиться на растянутом повествовании о судьбе героини, пока она только девочка, трудно и нет охоты. Пропускаю длинноты, а роман стоит на месте. За окном сейчас яркое солнце. Сейчас говорил с Орловым: у него своя работа и свои тревоги, хлопоты, заботы.

1 апреля

Оказывается в «Знамени» не так уж просто с выходом текущего номера к первому числу месяца. Даже «сигнал» будет не раньше чем послезавтра, а заказанные экземпляры чуть ли не 6-го. Деньги за эту часть получу только 15-го. Так что с «первым апреля» эта редакция меня уже поздравила. Но сегодня я не слишком раздосадован, ибо получил 150 р. из УОАП.

Получил очень интересную книгу Вс. Рождественского, уже ответил ему.

2 апреля

Прелестное и в то же время тревожное письмо от Сашуры: к ней привязался какой-то хронический грипп, то и дело дающий о себе знать температурой. Жалуется на бессонницу. Да и живется по-прежнему не ахти – в общежитии. Все проекты обмена великолуцкой квартиры на комнату в Пскове проваливаются. Мечтает о Польше. Уж это, надеюсь, организовать нетрудно, скорее бы только вышла там моя книжка.

4 апреля

Весь день стучал на машинке, печатал «Год рождения 1799». Вечером разбирал ворох писем и нацёл среди них письмо от редактора газеты «Пушкинский край» Там в двух номерах помещены два отрывка из «апрельской» части работы, а сверх того много фотографий Сашуры со мной.

Слава Богу, миновала необходимость быть на просмотре «Леса» в Малом театре: он закрытый, только для труппы. Вечером по телевидению Межиров очень хорошо говорил о Смелякове и читал его стихи.

6 апреля

День только начался. «Год рождения 1799» уже отпечатан – всего 16 страниц. Напечатал заново и сомнительную (даже очень) «Патетическую интермедию» (давным-давно набросанную встречу Пушкина и Гоголя, воскресших где-то на берегу Невы...)

А день-то начался очень даже замечательно! Длинное, рассудительное письмо от Сашуры. В нем много и печального, и всякого, но и надежда: на лето, на отпуск, на пушкинские дни, на Польшу. Я уже ответил. Еще письмо от Вл. Орлова. Ему тоже ответил, и также какому-то студенту из Ленинграда, пишущему диплом о Заболоцком.

<...> Получил в «Знамени» уже чистые листы своей статьи. Как-будто в понедельник будут и номера. Купил кое-какие книжки в Лавке писателей, там же подписался на собр. соч. Шкловского и получил первый том. Купил 2 рассказы Фланнери О'Коннор – те самые, которые понравились мне в январском номере «Нового мира».

7 апреля

День прошел не зря: у меня были Банников, Толя Миндлин и В. Широков. С первыми двумя прикинули, как сократить рассказ Миндлина о Вовочке, о поисках и находке его захоронения и это в общем удалось. Отдал Банникову «Год рождения 1799» для публикации в «ЛитРоссии» к самому концу мая. Виктор Широков просто присутствовал при всех этих обсуждениях, но ему полезно знакомство с «неуловимым» Банниковым.

Кипса с Катей были у художника, некоего Гуревича, коего специальность – «натаскивать» молодых для экзаменов в Полиграфический институт. У Кати на это времени вагон – весь X класс средней школы, т. е. и лето, и зима, и еще одно лето 1975 года.

Послал письма ленинградцу насчет Заболоцкого и еще одному такому же типу, пишущему уже диссертацию, а не диплом, о Лесе Украинке и переводе ее стихов на русский язык. Оба эти адресата умом не блещут. Вспоминаю по аналогии первые письма Сашуры в 70-м году. По сравнению с ними она просто гений!

8 апреля

Решительно, какой-то злой рок преследует нашу машину в последнее время! Ник. Павл. утром объявил, что вышли из строя какие-то две трубки, что надо найти их замену, и это отодвигает на неопределенное время починку. Между тем у Кипсы неотложные дела, а так же необходимость бывать у больного Дениса. Да и мне приходится ездить туда-сюда не сегодня, так завтра. В частности, в «Знамя», где уже должны быть экземпляры апрельского номера. Словом, серьезная катастрофа.

<...> Послезавтра день рождения Беллы. Об этом напомнил Эльдар. Но машина! Вот загвоздка. К тому же это день не Ник. Никиф., который хорошо знает, как найти дом Беллы.

Светлана пришла вечером и принесла верстку уже майского номера. Она, оказывается, почти в таком же положении, как Сашура, т. е. окончив Литинститут, осталась без московской прописки и живет у Левитанского³, дружит с его женой. Будущее для нее туманно. Даже не знает, удержится ли в редакции «Знамени». Пока она внештатная. Но ей уже тридцать лет, кроме Литинститута, окончила в Красноярске истфак, она – археолог. Эх, судьбы, судьбы, особенно женские. Реальный выход один – замужество, да вот поди ж ты!

Говорил с Тимуром («Комс. правда»), он полагает, что сейчас, накануне Съезда ВЛКСМ моя статья может пройти, даже на этой неделе. Посмотрим!

9 апреля

Отвез в «Знамя» правленную верстку, прибавив к стихам еще и «Мейерхольда». Утром от Сашуры книжка Драбкиной и короткая записка: грипп отошел, отсыпается у друзей. Купил для Беллы колечко из моржового клыка (для разнообразия). Как будто завтра с машиной будет благополучно.

11 апреля

Вчера вечером вдвоем с Катей поехали мы в Переделкино – сначала к Каверину, который все еще в инфаркте, но ходит, разговаривает и совсем не похож на больного.

А затем к Белле, на ее день рождения. Первое, что мы застали – отсутствие электрического света на всей ее улице. Гости, естественно, разъехались и разошлись. Только что до нас ушли Евтушенки и уехал Булат. Белла и Эльдар катастрофически пьяны, особенно он, и тут же ушел спать. Сидели недолго. Явился врач Смоленский с женой и мы быстро смылись, увезя и Россельсов. Белла как совершенно нечленораздельна, что-то лопочет, а понять ее невозможно. За вчерашний день это, кажется, все.

Как будто доделал стихи к 6 июня (пушкинскому дню). Получилось нечто вроде кантаты с запевадой и хором. Все это взято из прежней «Пушкинской интермедии», в которой действовал и Гоголь. Гоголь убран, конечно, равно как предсказание будущего Достоевского. Словом сведены концы с концами.

<...> В «Знамени» приняты три мои стихотворения: «Двойник», «Манон Леско» и «Новый год». «Смерть Гоголя» и «Мейерхольда» отвергли.

Была Инна Заграевская. Она совершенно измучена. На секретариате Моск. правления она недополучила только одного голоса и в результате не принята в СП, т. е. предстоит еще правление СП РСФСР. Звонил Михалкову, но он вообще называет бардаком все это дело, ибо из 23-х, принятых комиссией, секретариат отверг 16 человек. Конечно, это ненормально! Причем, Грибачев, не присутствовавший на заседании, отверг всех, никого не зная, даже тех, что приняты.

12 апреля

Сегодня день рождения Андрея. Исполнилось ему 32 года. С утра он работает, а за Денисом смотрят бабушка и прабабушка.

Вчера вечером звонил Луконин, которого я настропалил в отношении Заграевской. Он обещал поговорить кое с кем в правлении РСФСР, в частности с Сергеем Орловым. Больше я не стану вмешиваться в это дело, ибо излишняя моя деятельность теперь может только напортить. Получил два хороших письма: от Вл. Орлова и Вс. Рождественского.

С утра было ярчайшее солнце, а сейчас небо сплошь заволкло и сверху сыплется какая-то мокредь, но на градуснике +10°. Очевидно, я никуда не выйду: и некуда, и нет охоты.

От Сашуры телеграмма: «Не волнуйтесь отсутствием вестей все порядке много работы письмо отправлю завтра Саша». Пришла телеграмма в тот момент, когда от капитана Мазуркина его механик привез письмо и подарки: коньяк, икру, конфеты и жевательные резинки. Все, кроме коньяка, пойдет внукам и правнуку. Но Саша молодец, что дала телеграмму!

13 апреля

Долго говорил по телефону с Дингуловой: у нее, бедняжки, крупные неприятности в редакции: придрались к тому, что она не обеспечила их бюро проверки в отношении цитат, но это только придирка, а конфликт назревал давно – с гл. редактором. Ей и самой не сладко там работать, но куда податься? Есть предложение Завадского быть у него в театре завлитом, но у него все как-то призрачно, он ничего толком не обещает. Есть и другое – у Салынского работать в редакции журнала «Театр». Это ей вполне под силу: журнал выходит раз в месяц, а организовать материал для одного номера – пустяковая работа. Словом, живется ей в высшей степени нелегко.

Вечером «Последн. жертва» в Театре Моссовета. До чего же великолепно Юра, милый мой друг, поставил этот спектакль! Он делал то самое, о чем я думал, глядя по телевидению постановку Александринки. Все сплошь идет под хохот зрительного зала. Так и нужно, ибо ничего значительного в «страстях» этих двух героев нет и в помине. Они вообще ничто рядом с мужчинами в этой комедии, в сущности, очень злой.

14 апреля

Спектакль у Завадского – это острейшая буффонада, и самые, казалось бы, по Островскому жалостные, сентиментальные ситуации, любовно лирические дуэты принимаются дружным хохотом зрителей. Как ни парадоксально, но именно Бортников (Дульгин) понял это лучше всех. Как всегда, как в Раскольникове, он очень нервен и взвинчен, но и это способствует комизму. Фаина Раневская (сваха) тоже, разумеется, смешит всю, но тут уже действует инерция зрителей, прекрасно знающих ее. Раневская делает все, что должно и что в ее силах, но то ли она постарела, то ли материал Островского (словесный) не дает ей развернуться. Очень

хорош актер Львов (Лавр Мироныч) – это уже откровенный гротеск и фарс. Марков – замечательный актер (Флор Федулыч), но как-то сдержанно-мрачен и остается в этой тональности, в чем-то противоречащей общему замыслу. Завадский же еще раз показал, каким он может быть веселым и находчивым выдумщиком. По правде, сама пьеса Островского несет в себе изрядный элемент пошлости. Ее определить можно только фарсом, циничным до нелепости. И эта нелепость людских взаимоотношений выдвинута в постановке на первый план, на просцениум.

Маркуша принес перевод пьесы Шоу. Мне предстоит его редактировать. Работенка в общем простая, ибо он довольно хорошо владеет литературным языком, но в пьесе явные длинноты. Кроме того, Ньютон выражается слишком научно, а знаменитый проповедник Фокс перегружен всякими библейскими и евангельскими иносказаниями. Но пьеса веселая и, как всегда у Шоу, в ней разлитое море иронии.

15 апреля

Получил в «Правде» пятьсот с чем-то рублей. <...> Послал Сашуре сотню. У Заграевской совсем плохо: секретариат РСФСР утвердил все постановления Московского секретариата, т. е. недостача одного голоса все-таки сыграла роковую роль по отношению к бедной Инне.

16 апреля

Утром вместе с Варей поехали к Зое в Востряково. Как будто я ошибся насчет того, что камень скосился налево. Так что эта напасть миновала, но в течение всей зимы никак не могу связаться с тамошней Машей, прибирающей могилу. Вокруг очень уж не убрано, а приближается время для посадок.

Звонили из ЦДРИ, напомнили что завтра начинается конкурс молодых чтецов Пушкина. Мне предстоит быть там. Телеграмма от Лидии Ждановой: приезжает с Виктором 24-го, просит устроить номер в гостинице.

17 апреля

Письмо от Сашуры очень грустное, какое-то безнадежное. И понять это можно. Она прирожденный журналист, квалифицирована, особенно если выдается возможность писать о прочитанном. А ей выпадает большей частью надобность писать о комсомольских делах, совещаниях в районах области. Все это сопровождается изнурительными поездками. Результат плачевный: усталость, раздражение, чувство безнадежности и нецелесообразности траты сил, главным образом, физических. Я ответил большим письмом, но очень мало чем утешил ее, разве только туманными перспективами.

Членство в жюри для молодых чтецов Пушкина оказалось мало интересным, но самое удивительное, что в своих оценках я оказывался все время в одиночестве. Что нравилось мне, решительно другими отвергалось. Читали школьники, девочки – гораздо хуже молодых людей. Некоторые просто ужасны непониманием. Слава богу, хоть сказки понимают.

18 апреля

Утром были из отдела радиовещания на Болгарию, записали меня на магнитофон. Рассказал о своих болгарских друзьях и связях, читал стихи. Когда закончил, обнаружил, что ждет меня 88-летний Арий Давыдович, когда-то знаменитый «могильщик» Литфонда. Пришел он, собственно, к Кипсе: на консультацию по поводу мумиё для его больной жены. Потом долго-долго сидел. Я еле выпроводил его.

Получил переводом из телевидения 130 руб. Явно приближается время, когда надо будет покупать жигули-пикап. Кипса одалживает на это деньги. Волга принадлежит юридически ей, поэтому продажа волги окупит полностью жигули и еще немного останется на прожитые.

Звонила Лида Гладкая из Ленинграда, просила рекомендацию в СП. Я охотно ей дам, но попросил, чтобы она прислала хоть несколько своих публикаций.

19 апреля

Звонил В. Орлов, мы условились обедать сегодня в ЦДЛ. Он приехал на переговоры с какими-то французами, и в дальнейшем это чревато для него чуть ли не поездкой в Париж. Отчего же меня забывают? Мы хорошо посидели и выпили изрядно коньяку. Правда, к нам подсела Нина Булгакова (испанка из иностранной комиссии) и поделила наш коньяк, но хватило и остатка. <...> Булгакова едет на Пушкинские дни тем же маршрутом, что ездил я.

20 апреля

От выпитого коньяка спал я ночью очень плохо, часто просыпался, хватал книгу, прочитывал несколько страниц и снова погружался в беспокойную дремоту. Снились мне какие-то путаницы: то ли с Зоей, то ли с Сашурой, – всё двоилось. Проснулся в одиннадцатом часу, чего со мной никогда не бывает. За окном опять все в снегу, который тут же тает. Вот тебе и весна.

Получил от Тани Калининой кипу стихов, но совсем не ее, а какого-то парня, которого она хвалит. Еще и не прочитал.

Вечером был Вол. Орлов. Снова распили с ним – на этот раз французский коньяк, «Courvaisier» (Курвуазье, пер. с фр. – Сост.), – который прислал из Мурманска капитан Мазуркин. Поскольку и Катя приняла в этом сильное участие, половины как не бывало.

22 апреля

Вчерашнее воскресенье оказалось настолько хлопотливым, что не пришлось даже раскрыть эту тетрадь. Утром прибыла дальняя родня, потомство брата моего отца, Якова Мат<еевича> Антокольского: его дочь, его внук и правнучка, которая «пишет стихи». С последней мне и пришлось разговаривать. Стихи совершенно слабенькие, а девица (16 лет) мечтает о Литинституте.

Явился и Влад. Мих., а следом за ним Виктор Широков, застрявший допоздна. Широков очень славный парень, но на этот раз я хлебнул общения с ним в самой неумеренной дозе, вплоть до бесконечных партий в шахматы, которые снились мне всю ночь. Слава богу, Виктор Широков помог с этой внучкой, взял ее стихи и в дальнейшем будет ею заниматься. А дело безнадежное. Всё это – вопли и сопли души, которая и проснуться-то порядком не успела. К тому же она в родном языке как в дремучем лесу.

Звонил Юра, заинтересовавшийся моей кантатой, хочет показать ее какому-то композитору.

Письмо от Левина из Варшавы. Увы, книжка по техническим причинам выйдет только в начале будущего года. Но он приглашает меня и даже Сашуру (*avec votre amie*) (с вашим другом, пер. с фр. – Сост.) в сентябре приехать в Польшу. Соблазнительно. Попробую в СП договориться о командировке. Наверно, это дело сложное.

Пришел Карсанов. Принес починённую блиц-вспышку. Я решился на сложную махинацию: отдал ему оба свои аппарата, «Зоркий» и «Зенит», за которые можно взять около 100 рублей и купить новый, усовершенствованный полуавтомат, который надо только завести на время и он сам устанавливает нужную диафрагму, т. е. без помощи экспонометра. Стоит около тех же ста рублей, но найти его не так просто. Может, через военторг. Карсанов надеется и на съезд комсомола.⁴

24 апреля

Утром в Вострякове, у ЗОИ, наконец-то нашел Машу и заплатил ей за четыре месяца 20 руб.

В «Лит. газете», у Галанова получил его книжку «живопись славян» и подарил свой IV-ый том, а ещё дал ему адрес Сашуры и он клятвенно обещал послать ей такую же. В Гослите получил деньги по редакции III-го тома Брюсова. Встретил там Арсения Тарковского с женой и Слуцкого и всех троих подвёз в ЦДЛ обедать.

Ах да, еще утром, до Вострякова, заехал к Юре и оставил текст моей «Кантаты».

25 апреля

В ЦДЛ встретил Дину и Йонаса, потом явилась Светлана. Вчетвером мы и поужинали и много, весело и без дураков поговорили.

Написал два письма: Сашуре и Гейченкам, мужу и жене. Ответил и Гольдичам.

Отдавая отчет лишний раз о своей внутренней жизни, лишний и далеко не последний раз, я должен признаться в одном: Сашура – вот где единственный свет в моей несчастной старости. Я никогда не забуду Зою, но как раз в силу и в связи с этой святой памятью, я говорю о Сашуре. Уже сказал и в прозе и в стихах, вполне отчетливо зная, что тут сплошная неудача. Когда-нибудь она это прочтет и я даже не знаю, прольет ли она хоть одну слезинку, вспоминая то, что было и чего не было.

26 апреля

День оказался чреват большим событием. Пришлось оформлять покупку жигулей на Бакунинской улице и мчаться, сломя голову, на Хорошиловское шоссе, чтобы получить самоё машину. Это заняло 2 с половиной часа. Вечером были Лида и Виктор Ждановы. Была и Катя со своим парнем. Пили вино и ели торт. Разговоры о Хемингуэе, других американцах.

Завтра с утра предстоит ГАИ, оформление новой машины и забота о продаже старой.

27 апреля

Кипса поехала с нашей старой волгой и вместе с ее покупателями, чтобы оформлять продажу, снова куда-то к чёрту на кулички. Продажа оформляется в особом комиссионном магазине, причем покупатели платят назначенную казенную цену, а получать её предстоит через несколько дней. Сейчас Кипса уже получила наличными 4500 рублей. Это чистый куртаж.⁵ Остальное, что будет получено через комиссионку, пойдет на уплату долга, занятых Кипсой денег, ушедших на покупку жигулей. Так что эта комбинация небезвыгодна. <...> В нашей жизни это, кажется, первый такой случай, когда деньги нажиты не трудом, а коммерцией, и все шито-крыто, ибо волга давно уже на имя Кипсы, а не мое. А через какое-то время я и на жигули оформлю ей дарственную.

После целого дня мытарств наша волга продана за 10 тысяч. В комиссионном она оценена в 5.700 руб. До этого Кипса уже получила в руки должную сумму. <...> Кипса только-только приехала, и тем не менее как будто бодра. Наверно, усталость скажется завтра.

<...> Шоферы Ник. Павл. и Ник. Никиф хотят сначала доконально машину проверить. А потом уже можно и регистрировать.

Читаю Шкловского с интересом относительным. В частности знаменитое «Am Zoo или письма о нелюбви» мне совсем разонравилось. Биографические записки гораздо лучше. Шкловский всё время разбрасывается, перескакивает с предмета на предмет, но сам считает это своим достоинством и кокетничает с читателем: вот, мол, какой я оригинальный писатель. И насквозь полон литературными реминисценциями. А между тем когда-то он был бродилом, дрожжами, на которых выросли и познали сами себя очень многие в поколении 1920-х годов. Пастернак назвал Брюсова «дьяволом недетской дисциплины». А Шкловского можно назвать «дьяволом детской недисциплинированности». И в этом его большое значение.

28 апреля

Этот воскресный день будет, очевидно, показательно пустым. Стану дочитывать Шкловского, которого начинаю раскусывать по-другому. Ни за какое дело приниматься не хочется.

И вот провалилась вся вчерашняя авантюра с продажей волги. Дурик покупатель (из Дагестана) чего-то недосмотрел или кто-то ему подсказал, словом,

он заартачился. И пришлось бедной моей дочери снова мчаться туда же, чтобы вернуть деньги их проклятому покупателю. Так что дальнейшее откладывается до послепраздничных дней, а там глядишь 9-ое мая. Совсем не просто и не весело.

Никогда не угадаешь каким будет завтра! Я был убежден в пустоте этого воскресенья, и вот на тебе!.. Изволь искать нового покупателя. Но где? Кто поможет?

29 апреля

Вчерашняя вечерняя неприятность сегодня утром совершенно исчезла, сдуло ее как пух, и этот пух стоил моей дочери 600-от рублей. Покупатель согласился на такую уступку в отношении первоначальной цены. И наша волга укатила с ним в Дагестан. <...> Хоть эта беда миновала.

Оформление «жигулей» в ГАИ продолжилось ровным счетом два часа, но могло и дольше, если бы я не сослался на возраст и не назвал себя. Так что я успел и в Совет Мира, получил там почетный знак, сказал несколько слов, сразу перейдя на пушкинский праздник.

Смотрел по телевидению «Женитьбу Фигаро» в Театре сатиры. Насколько же лучше, верней, изобретательней, революционнее поставил я эту гениальную пьесу на Автозаводе в Горьком! Насколько сильнее были актеры! И скольких из них уже нет на свете. И Зои нет. А как она помогала мне! В Театре сатиры всё нарядно, расфранчено, но суть исчезла. Даже музыка Моцарта не помогает. А. Миронов-Фигаро неплох, когда серьезен и страдает, но главное у него тоже смазано.

30 апреля

<...> Взял в «Сов. писе» верстку своей статьи. Это добрых 55 страниц, т. е. больше четырех листов. Взял в «Знамени» чистые листы из майского номера. Купил себе одеколон и зубной эликсир. На этом день мой деловой окончен.

4 мая

Сегодня был у Лапина, хозяина всего радиовещания и телевидения в ранге министра. Подарил ему все 4 свои тома, но поспешил домой, ибо ждал гостей из телевидения для записи передачи об Ушакове и Пушкине. Они явились вовремя, но опоздали как раз Дина и Йонас, которые записывали где-то очень далеко Д. Самойлова. Всё уместилось в сравнительно приличные сроки и не было слишком утомительно. Сейчас без десяти десять. Дина и Йонас только что ушли. Они оба и Вол. Соколов обедали у нас – ЦДЛ сегодня почему-то закрыт.

День, конечно, был порядком напряженный, но мне нужно, чтобы такие дни были чаще. Май будет что надо! Пока на дворе хорошо и тепло. Жары ещё нет.

5 мая

Сашуре как будто бы улыбнулась удача: комната в Москве в обмен на Вел<икие> Луки. Поручила мне искать возможность трудоустройства или хотя бы

формального удостоверения в том, что таковое имеется. И с первого же хода мне это удалось: Галина Дробот согласна дать удостоверение в том, что такая-то работает штатным литконсультантом в «Лит. России», но при соблюдении строжайшей тайны с моей стороны. Конечно, мое молчание обеспечено. Обо всем уже и телеграфировал и написал Сашуре; ей же перевел сотню.

В Лавке писателей получил первый том Кирсанова и последний – Сельвинского. Отдал корректуру в «Сов. пис», а в «Знамя» – стихи Тани Калининой (утром она была у меня). В «Лит. России» согласился с их сокращениями.

Очень страшное событие в Ленинграде. <...> Ефим Григорьевич Эткинд, хороший мой друг, исключен из Союза писателей и снят с преподавательской работы в институте им. Герцена. В чем же дело? Всплыли давнишние дружеские связи Еф. Гр. с Солженицыным и, так я предполагаю, с Бёллем (м. б., как раз Еф. Гр. и познакомил их). К тому же у Эткинда нашли (значит был обыск?!) экземпляр «Гулага». Вот то, что рассказала Таня Калинина. С точки зрения современных деятелей, особенно в Питере, всё это оказалось достаточным основанием для крутой расправы. И видный писатель, ученый, педагог поставлен вне закона. И куда ему деваться, где искать защиты, наконец, на что жить? У него жена и две дочери, меньшая больная. В результате может последовать настойчивое предложение покинуть пределы СССР – выход типичный. Любой немецкий университет или Сорбонна примут Эткинда с распростертыми объятиями. А наше литературоведение потеряет ценнейшего человека.

Заказал по телефону 8 билетов на вечер Беллы.

6 мая

С утра написал Бажану письмо. Он делает интересную книжку о Микельанджело. Сам перевел все его сонеты и прилагает к этому нечто вроде антологии. Просит меня помочь. Я послал ему сонет Барбье и рядом сделал подстрочник.

Письмо от Нат. Банк – коротко извещает о печальном событии с Еф. Григ. Был Россельс. Он знает почти то же самое, что и мы. Но вот позвонила Таня уже из Ленинграда, говорит, что Эткинд будто бы в Москве. Сегодняшнее посещение театра с Дангуловой, слава богу, отпало. (Она боится оставить дома дочку одну.) Слава богу, ибо совсем не до театра.

Из ЦДЛ прислали афишу Беллиного вечера. Выглядит великолепно: выступать будут и Саввина, и Булат, и Амарантов, и еще, и еще. Видел Беллу. Она выглядит отлично и в мажоре полном, предвосхищает успешный вечер. Я взял 10 билетов и столько же взял Россельс. Кассирша сказала, что писатели расхватили всё, для народа ничего не осталось.

Ответил на письмо Натали Банк.

7 мая

<...> Получил пять экз. майского номера «Знамени» и это все, что я успел сегодня сделать, а других дел как будто не предвидится. <...> Вечером Вол. Медведев пришел насчет оформления книги и мы быстро договорились о самом

простом варианте. Потом смотрели третий фильм «Освобождения», потом пришла Кипса, пили чай и пошел неизбежный спор и разговор на жгучие темы, от которых некуда деться ни днем ни ночью: тут и Солженицын, и Симонов, и многое другое.

9 мая

Полдня заняло у нас обоих, Владимира Михайловича и меня, сшивка и склейка пяти экземпляров номеров «Знамени» со всей статьёй «Образ времени». Полчетвертого я рухнул в сон. Вечером был Широков. Еще одна часть фильма «Освобождение». Потом фильм «Офицеры». Праздника победы мы так и не справили: не было ни спиртного, ни настроения.

11 мая

С утра съездил в Лавку писателей, купил «Античную эстетику» для Андрея, англ<ийский> сред<невековый> эпос о короле Артуре, что-то о цыганском пении, – и это все, что сделано. Зато завтра очень напряженный день: утром в «Лит. России», а вечером Белла в ЦДЛ.

Зашел (Карзанов): один из моих фотоаппаратов продан за 50 р., другой – еще нет. Карзанов взял у меня 50 руб., чтобы купить полуавтомат. <...> Так что у меня скоро будет нужное орудие производства на лето, на Пушкинские дни.

12 мая

День начался с того, что явилась Таня и я вручил ей билеты на вечер Беллы в ЦДЛ. Далее отправился в «Лит. Россию», где наконец-то получил нужное удостоверение для Сашуры, но не от Дробот, а от Банникова, что оказалось проще, да и вразумительнее. С коротким письмом отправил эту штуковину Сашуре в Псков. Далее завез билеты на сегодня в «Знамя» Светлане и Широкову. Наконец, в ЦДЛ получил билеты для Миндлина. Все это вместе заняло часа два.

Вечер предстоит мне трудный, но надеюсь не подкачать. Погода мерзейшая: ветер, только 5° тепла, а вчера было выше 15°. Синоптики каждый вечер ошибаются, если судить по программе «Время».

Вечер Беллы... это был такой блеск! Так все хорошо сложено, аудитория так лихо все принимала. Сама Белла во втором отделении так неутомимо читала стихи целых час двадцать минут – на моей памяти подобного еще никогда не бывало в ЦДЛ. Все в один голос говорят, что я очень здорово вел вечер... А в результате дико устал, как будто сам выступил. Но мне, разумеется, не под силу держать аудиторию так долго, как это удалось Белле.

13 мая

Сдал Г. Дробот перевод пушкинского Mon Portrait вместе с французским оригиналом, добился, чтобы опубликовали рядом и французский текст и мой русский, хотя, как оказалось, в типографии «Лит. газеты» даже нет латинского шрифта: очевидно пошлют в типографию «Известий». Банников, между прочим,

сказал, что Сашуру могли бы и сегодня зачислить в штат, так нуждаются они в людях по отделу критики. Разумеется, все это сейчас же написал Сашуре. <...>

<...> надо в Гослит к Лозовецкому, к-рый собрал мой «архив»: переводы французов, а это очень даже нужно для книги, намеченной на 76-ой год. <...>

Звонили Йонас, Широков, Светлана. Все о вчерашнем: поздравляют, восхищаются. Надо в общем двигаться мне дальше. Кажется, что даже Пушкин как-то исчерпан для меня. Мож. быть, я слишком долго предавался словесному разгулу вокруг да около Пушкина. Кажется, было в этом и напускное, наигнанное, а может быть, это говорит какая-то «интеллектуальная» усталость? <...>

14 мая

<...> В Гослите получил солидную папку, которая очень поможет мне собрать будущую книгу французской поэзии. Правда, кое-что, наверно, пропало из очень ранних переводов Гюго. Завтра предстоит, кроме «Комс. правды» и бухгалтерии доехать до поликлиники, получить седуксен. Может случиться, что я на два-три дня смоюсь на Пахру и постараюсь раскопать там недостающие мои переводы.

15 мая

Вчера вечером был приглашен к нашим новым соседям Элле Бруновской и ее мужу Леониду Викторовичу (фамилию забыл) (Л.В. Почивалов. – Сост.), правдисту. Там же поэт и драматург из Молдавии и какой-то молодой журналист, тоже из «Правды». Много выпили водки, так что утром чувствую себя не ахти. Не скажу, чтобы это знакомство было блестящее, но люди милые.

С утра тщетно пытаюсь дозвониться к Конст. Симонову, но, как видно, он разъединяет телефон. Потом позвонила Лариса: Костя обо всем договорился на телевидении. Значит, и эта забота меня миновала.

Поговорили с Сашурой: все в порядке, красивое удостоверение из «Лит. России» и мое письмо, которое долго шло, она получила и весьма довольна. Завтра едет в Вел. Луки – по жилищным делам.

Получил деньги за «Знамя» и «Октябрь». <...> Никак не могу достать седуксен. Интересно, а вдруг смогу без него спать?

16 мая

Звонил Лева Левин – он получил из Чехословакии два экземпляра моих «Сказок времени», полностью там переведенных в каком-то, по его словам, лучшем издательстве. Таким манером растет возможность получать гонорары чуть ли не в сертификатах, не говоря уже о так называемой славе.

Аптека поликлиники закрыта на учет и неизвестно на сколько времени. Зато я спал эту ночь без седуксена и уж так крепко, как давно не спал. Необходимо отвыкать от снотворного.

В СП у Верченко с молниеносной быстротой сделал все, что хотел, то есть включился в поездки Ленинград – Псков – Москва, так же напомнил о

сопровождающей меня журналистке, что было принято. Вручил Верченко экземпляр из «Знамени» с надписью – это не слишком нужно, но все же знак внимания.

А в чешской книжке «Pohadky časy» напечатаны не все тринадцать, а только десять моих сказок. Три сказки об Орфее почему-то выпали. Интересно, почему?

17 мая

<...> Сегодня явная весна: солнце, + 20°, ветра нет. Дверь на балкон открыта настежь. Делать мне решительно ничего и ехать никуда не предстоит. Похоже, что завтра то же самое. А послезавтра вечером в ЦДЛ Пушкинский вечер, который мне опять предстоит вести.

18 мая

Звонила Сашура. Нужны материалы для псковской газеты: кто едет, какие еще маршруты кроме нашего, интервью с москвичами. Постараюсь как-то помочь. Она бодрa, благожелательна и вообще молодчина. Будет звонить уже из Пушкинских гор, куда, видимо, направится прямо из Великих Лук.

Говорил с Царевым: в список я включен еще до своего разговора с Верченко. Таким образом день начался гораздо лучше, чем я думал. Обхожусь ночью без седуксена и надеюсь, что окончательно.

Насколько я могу понять, чехи здорово перевели «Сказки времени»! Во всех случаях, когда у меня ритмизировано, все сохранено. Правда, я иногда только догадываюсь, что значит то или другое слово, но поскольку язык славянский, то все можно так или иначе понять. Но, как всегда, мне кажется, никакой другой язык так не богат синонимами, как русский. У нас разливанное море выражений и речевых оборотов. А синтаксис настолько свободен в расположении частей речи, что это только увеличивает интонационное богатство.

Весь длинный вечер был Йонас с микрофоном, продемонстрировал запись Беллиного вечера: ее, Окуджаву, меня. Записал слова о Пушкинском дне для их газеты. Много говорили о Литве, Вильнюсе, о его семье, о начальстве на телевидении, и т. д. Ушел в 12 ч<асов> н<очи>.

19 мая

Письмо от Сашуры. Пишет о хлопотах, нынешних и предстоящих, в связи со своим обменом жилья на Москву. Действительно, работа предстоит сложнейшая, изнурительная, непроизводительная: мало ли какие палки в колеса начнет совать одна милиция!..

Только что Корзанов принес интересный фотоаппарат. <...> Вот он, этот маленький и легкий фотоаппарат, ценой в 40 рублей, у меня уже лежит в столе, а Корзанов научил меня нехитрому способу действовать с ним. Он заряжен и в запасе еще одна пленка. Так что буду безжалостно расстреливать эти две пленки в пушкинских краях. Корзанов же и проявит заснятое и отпечатает удачное.

<...> Пушкинский вечер в ЦДЛ, открывший московскую серию таких вечеров, был не ахти – особенно из-за вступит. слова некоего Еремина, поровшего пошлую чушь. Второе слово Эйдельмана значительно интересней, хотя бы анекдотами о Бартенева, Щеголеве, Венгерове. Самойлов читал свои прекрасные стихи о Пушкине. А вот я совсем сплеховал и прочел только пушкинское «Заклинание» и «Я Вас любил...».

20 мая

<...> Договорился с Эйдельманом насчет двух-трех страничек для псковской газеты. Обещал сделать то, что я прошу, хотя и очень занят.

Получил деньги в УОАП, которые отдал Кипсе, и пенсию.

Только что звонил из Киева Микола Бажан: тоже едет в Ленинград, Псков и Михайловское, и Нина с ним. Уже вышел мой пушкинский плакат, завтра получу 5 экземпляров.

22 мая

Вчерашний вечер в Пушкинском музее прошел хорошо – и в первой части (чтение статьи) и во второй (стихи) особенно. Но я убедился в том, что такие частые выступления мне совсем ни к чему. И поэтому боюсь поездки с ее обязательными условиями: выступать перед аудиториями в тысячи человек.

Крейн был так мил, что сразу же после окончания вечера написал для псковской газеты. Это уже послано Сашуре.

Получил 5 экз. плакатов. И мне и Кипсе они нравятся. Кипса знает обоих художников и считает их чуть ли не лучшими в этой области. Один экз. отдал в Пушкинск. музей. Сегодня я никуда с места не двинусь.

Звонил Эйдельман. Он тоже написал уже для псковск. газеты. <...> Эйдельман сам пришел и принес то, что написал. Я уже отослал это Сашуре и на этом мои возможности помочь в юбилейном номере исчерпаны.

Звонила Светлана: в «Знамени» уже есть верстка моих стихов. Звонил также Иващенко из газеты по радио и телевидению, там в юбилейном номере будет интервью со мной, которое записал на пленку Йонас. Кстати, он и Дина, защитив диплом, пришли на вечеру в Пушк<инский> музей. Был и Лесневский.

29 мая

Наконец-то я нормально выспался. Правда, гостиничное одеяло неудобное – оно то и дело сползало. Сейчас 8 ч 20 м. За окном бледно-синее небо, солнце, виден Московский вокзал, часть Лиговки, вся площадь Восстания. Конечно, за вчерашний день я и недохнул Петербургом, Невским, Невой...

Предстоит четырех-пятчасовой переезд отсюда в Псков в обществе Царева, но зато я прибуду гораздо раньше, чем в общем автобусе. Триста с чем-то километров из Л<енинграда>да проделали легко. Третьим был тот же Борис Калинин, переводчик с немецкого, что и 3 года назад. Вот все, что пока можно сказать. Усталости не чувствую.

Вот и в Пскове. <...> Номер гостиницы похож на февральский, пока в нем холодновато. Царев выказал исключительное внимание ко мне и переселил с 3-его этажа на 2-ой, да еще и в двойной номер. И это в труднейших условиях, ибо в гостинице таких номеров мало, а среди наших есть пары (Бажаны, Межелайтисы, Андрониковы), а среди иностранцев еще больше. Сейчас уже бездвадцати 8 ч. Остальные еще не приехали. Только что говорил с Кипсой: в Москве больше 20°, ясно, дождя нет, а здесь, как только мы вошли в гостиницу, начало лить и небо заволочло сплошной серостью.

Где-то около 9-ти час. веч. явилась Сашура и, конечно, не одна, а привела свою подружку Валю Балакову. Втроем мы поужинали (не по безличному расчету, а за мои кровные, слава Создателю), потом они долго сидели у меня. Наконец я добился, что Краклин принял Сашуру и вот только что вернулись от него. Он дал для газеты весь нужный материал, т. е. данные о всесоюзном размахе праздника, с именами и маршрутами и всем прочим. Увы, мой приезд в какой-то степени нарушил планы Сашуры: ей пора бы уже быть в Москве и начинать поход по инстанциям. <...> Говорят (Сашура сказала), что окончательно дело с моск<овской> пропиской решается чуть ли не у замминистра культуры РСФСР. А это не то Воронков, не то Мелентьев. Тот и другой знакомы мне. Словом, придется в июне много действовать. <...> А сейчас пора и спать!

30 мая

Спал плохо, несмотря на усталость. Всю первую часть ночи снился какой-то запутанный, дурацкий и очень неприятный сон, будто бы где-то у нас опубликован материал о группе людей, замышлявших какую-то политическую акцию. Я стараюсь вчитаться, понять, в чем дело, но текст все время меняется, уследить за этими изменениями невозможно и как раз в этом вся неприятность сна. Ночью я еще помнил, какие-то подробности, сейчас они выветрились, проснулся, кажется, в пять утра и долго маялся. Одежало сбилось в комок. Потом, наверно, все-таки забылся и очухался в полвосьмого. Вставать не хотелось, но поднялся и, как ни странно, все это прошло.

Прежде всего вышел на улицу, а там Гр. Гр. Пушкин. Так и провели вместе утро, завтракали, болтали о пустяках. Сейчас 10 ч<асов> у<тра>. Никуда не поеду, выступать тоже не буду: поберегусь для завт<рашнего> вечера в театре.

С утра было яркое солнце, а вот сейчас небо опять заволочло, и дело идет к дождю. В воскресенье Троица, и псковичи утверждают, что идет гроза и ливень, так что открытый митинг на поляне будет сорван. Сейчас звонила Сашура – придет в начале первого, т. е. примерно через час. Также плохо спала – в общежитие ночью ввалилась какая-то приезжая баба. Тучки и облака ходят и все опять проясняется, опять меркнет. На улице холодновато.

Вдвоем с Сашурой пошли в палаты Поганкиных, в музей икон и новой живописи. Среди последней Петров-Водкин, Шагал, еще много интересного. Потом обедали в гостинице, подошла Маргарита Алигер, с нею чокнулись коньяком. Вечером решили в кино – на «Мост Ватерлоо». Это старая картина, английская, некогда нашумевшая, с Вивьен Ли. Фильм до того старый, что сам лондонский смог кажется, рвется на куски на пленке. Но играют англичане хорошо, правдиво.

Вернувшись в гостиницу, Сашура предложила вызвать здешнего молодого критика Вал. Курбатова, к-рого я видел в прошлый приезд. Это было сделано, и втроем мы ужинали, а потом еще долго сидели в номере.

31 мая

Спал как убитый. Завтракал с Андрониковыми, мужем и женой, говорили о кремлевских врачах, могиле Керн, о первой встрече с ним у актера Лен<инградского> Тюза Макарьева⁶, о курении трубки, еще бог знает о чём.

Вышла спаренная («Лит. газета» и «Лит. Россия») газета «Пушкинский праздник». Много интересного материала: Белла, Эйдельман, Т. Г. Цявловская⁷, мой перевод «Mon portrait» (Мой портрет, пер с фр. – Сост.) билингвой. Кажется, должен сегодня выйти и номер «Лит. России» с «Годом рождения» (1799), но сюда это не попадает. Есть интересный материал в «Псковской правде».

Чтобы ехать в Дом политпросвещения, заехала сюда Сашура и тут же мы ринулись туда, ибо в наших автобусах не нашлось лишнего места. А езды туда не больше 2-х минут. Я уже предупреждён, что должен выступать сразу после первого секретаря Псковского обкома. И это мне облегчило задачу, ибо свое «прозаическое» начало я повернул в сторону всяких расшаркиваний и ответов на его приветы. Но в силу того, что даже такие пустые слова я снабжал всяким пафосом, даже тут меня прерывали сильные аплодисменты. Потом прочел стихи 1927 года о Пушкине с тем же успехом, что в Ленинграде, и моя активность в Пскове была исчерпана.

До начала вечера очень сердечная встреча с Гейченко. Наверно, я высидел бы, несмотря на скуку, всю торжественную часть, но внезапно получил записку от Сашуры с предложением вместе покинуть это сборище. И через некоторое время мы уже ужинали в гостинице. <...>

1 июня

Спал отвратительно. Кое-как забылся уже когда за окном посветлело. До тех же пор маялся, в голову лезли совершенно ненужные мысли. Крепко уснул только совсем к утру, но тут уже разбудили голоса в коридоре. Было 9 часов утра. Мы едем в Пушк<инские> горы. <..>

Сашура и Дина явились как раз в то время, когда вся орава рассаживалась в автобусы. Мы проводили их, позавтракали и приступили к сборам, через администрацию гостиницы вызвали такси. Это заняло часа два. Так что только в первом часу выехали из Пскова. Расстояние до Пушкинск. гор больше ста километров. Водитель гнал вовсю. На месте очутились уже в 3-м часу. Йонас ждал нас. Конечно, передачи «Наш Пушкин» так и не видели. Но сейчас день кончен.

Йонас и Дина увели с собою Сашуру. Она очень неважно себя чувствует. К тому же на нее возложено в редакции труднейшее и скучное дело: орг<анизовать> – кровь из носу – целую полосу к предвыб<орной> кампании. Но она ухитрилась многое переложить на другие плечи: в Пскове, здесь, в Вел<иких> Луках. Сделала все это с большой организаторской хваткой. Только что взяла интересное, мне кажется, интервью у Межелайтиса. Не совсем на тему, но сможет переработать его рассказ. А у меня завтра труднейший день – два выступления. <...>

2 июня

Были два выступления: у памятника и на поляне в Михайловском. Первое уж кое-как сошло с рук, а вот на митинге я сильно оскандалился: забыл свои собственные стихи, которые здесь напечатаны в газете. Дико устал. Вечером еще должен быть банкет, с которого я смоюсь. Пишу сидя в нашем писательском автобусе. На этом мой путевой журнал кончен. До самолета.

Ан, не кончен, ибо сейчас я был вызван с банкета – зайти в свой номер. Там собрались все трое: Сашура, Дина и Йонас, – все дико голодные. А я смог с банкета стащить только один апельсин. Сашура и Йонас сорвались в прод<овольственный> магазин, были там долгонько, принесли хлеб, сыр, колбасу, даже вино. Мы заварили чай. Хоз<яйственные> способности Йонаса испытаны.

Скоро они ушли. Мою милую ждала неотложная работа на всю ночь: отчет о Пушк<инских> днях и расшифровка интервью Межелайтиса.

3 июня

Дозвонившись в редакцию, услышал злющий голос Сашуры, сказавшей, что очень плохо сделала свой отчет и потому, взбешенная, просила оставить ее в покое. К тому же понял по голосу, что опять голодна.

Проводив наши автобусы и заказав на нужное время такси в аэропорт, сложил свое барахло и тупо ждал в течение 3 часов, если не больше, дальнейшего. <...> Времени было вагон, Сашура попросила заехать за ней в Дом Печати, что и было сделано. В аэропорт прибыли за полчаса до отлёта. В самолете (тот же Ан-4) примостились. Саша с большим аппетитом съела припасённые ей телячьи битки, немного шоколада и тут же заснула. Ровно в 6:50 по расписанию были в Быкове. Ник<олай> Павл<ович> уже ждал меня, и через 50 м<инут> мы на улице Щукина.

Так кончилось эта эпопея, еще одна в моей проклятой жизни.

5 июня

Совсем не спал часов до 3-х, а потом провалился в омут непробудного сна до 9-ти часов. Встал с дикой болью в животе и, как всегда, это отзывается на моей проклятой грыже (о ней как будто ни слова в дневнике не было, но пора признаться: она есть). Сейчас жду курьера из «Вечерней Москвы».

Она была и очень хорошо организовала выписками из разных статей нечто вразумительное и цельное. Редактор заявил, что это «высший пилотаж». Две широких гранки и стихотворение уместились полностью. Скоро поеду в СП за документом для Сашуры.

В СП все внезапно осложнилось и застопорилось! Изволите ли видеть: требуется обращение на имя Верченко от редакции «Лит. России». Запрос идет из СП не в бюро обмена, а чуть ли не в президиум Моссовета! Словом, это явное перенесение сроков на неопределенное время. Послал телеграмму Сашуре. Живот продолжает болеть.

Проспал довольно долго и болезни живота как не бывало.

Приходила некая особа, племянница писателя Язвицкого, с предложением поработать у меня на общественных началах в качестве чего-то вроде секретаря. Я просто опешил и без всяких лишних разговоров (до чего она была весьма охоча) довольно резко отказался. Она ничуть не обиделась и тут же смылась.

6 июня

День рождения Пушкина и день рождения Сашуры. Ей исполнилось 28 лет.

Сегодня мне предстоит хлопотливое дело: улаживать в Сашурин вопрос в «Лит. России». Придется к редактору обратиться, ибо Банникова, который охотно все провернул бы, нет в Москве. Не скрою, что очень тревожусь. Проснулся чуть ли не в 6 часов, оттого что вся процедура уже снилась мне. Но так уж суждено мне: вечно о чем-то тревожиться, трепетать и трепыхаться. Три «тре».

Все очень плохо. Редактор «Лит. России» Грибов наотрез отказался поддержать это дело. Он недоумевает, отчего Банников не сказал ему, что собираетесь дать такую справку. Он говорит, что у них нет якобы нужных единиц. Кроме того, он должен сам познакомиться с А.Н.Н., узнать о ней в Пскове и т. д. Стало быть, о штатной работе в «Лит. России» и говорить нечего. Это тяжелый провал. Крах нашего предприятия. <...>

Вышла и статья в «Лит. России» и интервью в «Веч. Москве». Все время возился с подклейками этих экземпляров. На сим моя пушкиниана кончилась. А из головы, из сердца не выходит Сашура, ее судьба. Сейчас, в данный момент я совершенно не знаю, что и как предпринять. Неужели провалится её обмен жилплощадью? К кому обратиться, с кем посоветоваться?.. Может быть, к Ильину?

7 июня

Первый жаркий день – 20°. Очень хочется вернуться к чему-то вроде «Сказок времени» – может быть, на другой манер, на более реалистической базе. Но это только мечта. Ибо ещё больше хочется просто отдохнуть. <...>

Вечером, с 6 час. до полдесятого пробыл у Браунов. Коля сильно похудел и постарел. Маруся как-то тоже сдала, сбивается в речи, суетится. Она подарила мне свою новую книжку и я хочу (еще и не читая) написать о книжке в «Лит. России» – несмотря на кляузы глав. редактора Грибова.

Вечером дозвонился в Псков к Сашуре. Она (если можно судить по голосу) не слишком удручена вчерашней неудачей, стойко и гордо держится. И конечно, продолжает верить в то, что все образуется. Времени на это до августа. У меня мелькнула идея: не закинуть ли удочку на телевидении? <...> Два сильных человека ко мне хорошо относятся: Кузаков и уже находящийся в ранге министра Лапин. Идея, в сущности, бредовая, но попытка не пытка. Когда я позвонил нашему Зилогину и просил о дружеской поддержке в этом деле, он с ходу ответил: «Да, конечно, – но в пределах закона!» Попробуй-ка понять, где эта таинственная граница между законом и беззаконием, мне она еще не ясна.

По телевидению смотрел передачу о Заболоцком прекрасно сделанную Слуцким. Участники кроме него: Андроников, Каверин, Сергей Герасимов. Оказыв<ается>, на многие стихи З<аболоцкого> есть верная по тону музыка. И

певец был хороший. <...> Я позвонил Слуцкому и поздравил с этой передачей, поблагодарил. Он предложил то же самое сделать обо мне. Я отказался, сославшись на недавнюю получасовую свою передачу. Предложил нечто вроде диалога, или даже трио. Об этом стоит подумать, но во благовремение.

8 июня

<...> Звонил Щербакову: клянется, что на буд<ущей> неделе статья пройдет. Договорился с ним, что если этого не случится, наши отношения разорваны. Честное слово, я ждал достаточно, чуть ли не с Нового года. Хватит за глаза.

Были Ионас и Дина, считают, что не может быть речи об обращении к Лапину насчет Сашуры. Остается только одна возможность – говорить, минуя Залогина, сразу с Верченко, изложить ему все как есть и просить, чтобы он лично написал нужное обращение в Моссовет, и при этом указал, что А.Н.Н. будет работать в одном из печатных органов, подвед<омственных> СП СССР.

Вечером был Маркуша (Марк Антокольский, московский родственник П.Г.А. – Сост.), принес сокращ<ённый> вариант перевода пьесы Шоу. Я решил сразу отдать его Ремизовой (А.И.Ремизова, режиссёр театра им. Е.Б.Вахтангова. – Сост.). А вдруг понравится?

10 июня

<...> В. Медведев принес все оформление, к-рое я тут же одобрил своей распиской. Пришел Виктор Фогельсон. Сняли мы с ним и «Кота в басне», и Лиллю Брик, и «Вчера – завтра», и одно из стихотв<орений>, посв<ященных> Белле, и еще что-то, и сделали кое-какую правку в поэме, а сверх того я дал ему «Кантату», чтобы ею кончить всю книгу. Сейчас всю рукопись придется перепечатать, и он надеется, книга будет готова к сдаче в производство в июне.

11 июня

В первый раз за все время в Москве спал без просыпу всю ночь. Утром зашел Карзанов, чтобы разрядить аппарат и взять заснятую пленку. <...>

В Гослите и в «Лит. России» мне заплатили деньги. Дал Кипсе триста руб. Примерно столько же осталось.

Получил письмо от Левина. Он хочет переиздать свою книгу обо мне с дополнениями и с протяжением по времени почти в пять лет, хочет, чтобы она вышла в 76-ом году. Дай Бог! Письмо от Сони Антокольского из Ленинграда – просит денег, бедняга, придется послать рублей 50.

<...> Прихожу к выводу, что ед<инственный> простой и легкий способ прописки в Москве для Сашуры – это секретарство у меня. Делается это на уровне райсовета, без всяких министров. И тогда СП вполне может поддержать мое ходатайство, ссылаясь на возраст и прочие заслуги. <...>

12 июня

Беспокоит меня опять Фогельсон, к-рый и не был вчера в и<здательст>ве, и с утра сегодня неуловим. И это после всех его обещаний «сделать немедленно». У всех какие-то семейные неурядицы, тещи, от которых надо бежать и т. д.

Фейгельсон нашелся. Он звонил мне, что еще вчера оставил у машинистки рукопись и что, очевидно, в пятницу все будет перепечатано. <...>

13 июня

Очень плохо спал, еле забылся, когда было уже совсем светло. Проснулся ровно в 9. Сажу и жду звонка или появления Сашуры. <...>

Мы двинулись в СП и Залогин тут же составил письмо к пр<едседателю> Горисполкома Моск<овского> Ленинск<ого> р<айо>на, о заключении трудового договора с А.Н.Н. (поскольку ее рабочее место предполагается здесь, на ул. Щукина). Попробовали заехать в Горисполком, но товарища, конечно, нет на месте. Предложено звонить завтра в 10 ч. у. Сашура сегодня же едет обратно. Мы успели только пообедать с ней в ЦДЛ – единственное, что дается легко.

<...> Остальное мне предстоит завтра: быть в исполкоме на Кропоткинской, в каком-то его отделе по учету рабсилы, где должен быть заключен договор между ней и мной. <...> буду звонить ей, узнав какие документы требуются для заключения договора.

Звонил Казарнов. Моя пленка удачна. Завтра или послезавтра получу пробные оттиски.

15 июня

День оказался насквозь пустым. Даже запланированный с утра приход Йонаса и Дины не состоялся, ибо по дороге они поссорились, о чём Дина в слезах сообщила по телефону. Я сажу один, Кипса дома, оба читаем. Я прочел за вчера и сегодня два полудетектива, а сейчас – был об Ярославском белом мятеже эсеров в 1921 году. Все одинаково интересно. Но это чтение вынужденное, как на безрыбье рак.

16 июня

Исполнил гражданский долг: опустил не глядя два избирательных бюллетеня в урну и неизвестно отчего сделал это даже с некоторым удовольствием. Наверно, оттого что вообще-то плохо себя чувствую, болит живот и голова, и вот, дескать, несмотря на эти показатели, жив-здоров, не уклонился, не стал ждать урны на дом. А день предстоит такой же пустой, как вчерашний.

18 июня

<...> Всю ночь кошмары – о том, как ничего не выходит в Райисполкоме, куда сегодня в 10 ч. я отправлюсь. Вчера вечером звонил Фогельсон: книга

перепечатана и он. хочет дать ее на прочтение Левину, поскольку Карпова отбывает в отпуск. Радоваться ли этому – не знаю. Левочка тоже не сахар при своей феноменальной трусости.

Оказалось, наш случай с заключением трудового договора никакого отношения к райисполкому не имеет. Такой договор заключается в нотариальном порядке. Я говорил и с тамошним юрисконсультком, который все это подтвердил. Но потом юрисконсульт позвонил и добавил: договор, закл<юченный> в нотариальном порядке должен быть зарегистрирован в РЖУ (что-то вроде жилуправления). И этим будет решен вопрос о прописке в Москве (очевидно). Надо все-таки говорить с Ильиным.

Встретился в ЦДЛ с Диной и Йонасом, посидели в ресторане, выпили белого сухого, потом смотрели французский фильм, тот самый, что летом я смотрел с Сашурой.

19 июня

Всю ночь во сне и в полусне пытался сочинить новые строфы для «Двойника». Утром записал некий вариант, жду звонка Фогельсона. Карзанов принес размнож<енные> и увелич<енные> отпечатки. Фогельсон звонил и очень одобряет мою переделку, просто в восторге. Я тоже думаю, что выход найден.

20 июня

Сегодня только и было, что получил пенсию, перевел родственнику Антокольскому 50 рублей, отправил письмо Вышеславскому, заплатил партвзносы за май и июнь. Приходил Широков. Ночью снился почему-то В. Лановой и как-то странно: он весь загримировался в бронзу. Сейчас 5 ч. Жарко.

21 июня

У нашего Ник<олая> Павл<овича> партсобрание, машины нет, так что я не могу попасть к Ильину, как было условлено. Только что говорил с ним по телефону, решил, что 25-ого задержусь у него после блоковских дел.

22 июня

Вчера вечером звонил Левин, он прочел всю мою книгу, особых претензий ко мне не имеется. Есть какая-то мелкая правка, о которой знает Фогельсон и сегодня придет. Кроме того, Левин полагает, что для переиздания его книги может быть препятствием моя «Периодика» в той же литературоведческой редакции. Это верно и я позвонил тут же Конюховой, сказал, что снимаю свою «Периодику», стало быть у Левина зеленая улица. А о «Периодике» надо подумать! М. б. предложить ее в «Современник»?

Дальше предстоит Пахра до завтрашн. вечера. Сейчас дико и безобразно кричит Катя о том, что не хочет ехать на Пахру. Не знаю, что решит моя дочь, но я от нее завишу.

24 июня

Третьего дня часа в три уехал с Кипсой на Пахру, вчера вечером вернулся. Третьего же дня был Фогельсон и показал неполные, но вполне понятные замечания. Все это мы тут же двойными усилиями исправили. Сегодня Левин должен подписать рукопись и она пойдет к техреду, очевидно, на целую неделю. Так что здесь, надо полагать, порядок. И это на сей день главная моя забота. От Сашуры пока никаких вестей. То ли она сверх меры занята в газете, то ли в районе.

Сегодня уговорился вечером встретиться с Диной и Йонасом. Ах, да! Звонила Н. Огай из Вильнюса, решила ставить «Маленькие трагедии» Пушкина. Я послал ей свою статью в «Сов. культуре» и короткое письмо. Приглашают приехать в Вильнюс. Об этом, конечно, не мож. быть речи. Но мысли о лете, близящемся июле, Кипсе и Кате на Пахре не дают мне покоя. <...>

25 июня

Итак, рукопись подписана, существует её аннотация и сегодня она должна уже быть у техреда. Хоть это дело сдвинуто с мертвой точки.

Говорил с Тимуром («Комс. правда»), он обещал сегодня же заявить от<етственному> секретарю редакции, что рукопись пролежала у них более полугодом и что статью надо просто оплатить. Это не слишком красиво, но единств<енный> выход.

Через час должен быть у Ильина вместе с Лесневским: решать Блоковские дела на август, а заодно посоветуюсь с Ильиным насчет Сашуриных дел.

Ильин совсем сбил меня с панталыку! Он утверждает, что никакого договора не нужно, что дело должно решиться в РЖУ (Районное Жилищное Управление. – Сост.) и единственное, что нужно, это заявление обоим, которые обмениваются жилплощадью, да еще удостоверение о том, что Сашура уже не работает в Пскове. Так я понял сказанное Ильиным. Но боюсь, он не учитывает нынешних правил: они в том, что надо уже иметь работу в Москве, чтобы прописаться. Словом, все это похоже на заколдованный круг: не пропишут без работы – не возьмут на работу без прописки. Но Ильин обещал дать специальное письмо к той женщине, которая решает вопрос о прописке в РЖУ. Значит, главная надежда теперь на это письмо. Ильин зря обещаний не дает, и вообще слов на ветер не бросает. Насчет деятелей из СП СССР, он прямо сказал, что они мудаки и ничего не знают.

26 июня

Письмо от Рецептера: просьба дать ему рекомендацию в СП, это мне легко сделать, сославшись прямо на свое же предисловие к его книжке. <...> День обещает быть совершенно пустым. В доме генеральная уборка, предстоит и в моей комнате, но бежать мне некуда. Сигналов от Йонаса или Дины никаких. А было договорено о встрече сегодня.

27 июня

Вчера вечером были Дина и Йонас, приведшие с собою литовку из Вильнюса, театрального критика. Был и Витя Широков, у которого свойство появляться как раз в таких случаях, когда у меня целая компания. Йонас и Дина по-прежнему нравятся мне, это свои люди. Йонас снова показал себя хорошим поваром, угостил нас мясом, им же принесенным! Выпито шесть бутылок белого сухого. Принимали участие и Катя со своим Мишей. Ушли все скопом в 12 ч. н.

Сегодня Кипса уезжает на Пахру до вечера. Я останусь один. Предстоит быть в «Сов. писе» и обедать в ЦДЛ.

Круг еще более заколдован, чем я думал. Ильин совсем выбил меня из седла. Он утверждает, что пока Сашуру не снимут с учета в Пскове (в частности и с партийного), нечего и думать о прописке и трудоустройстве в Москве, тем более, что она «номенклатурная». Тут я уж и не знаю, как быть. До августа (годовой срок ее работы в Пскове) она не может заикнуться об освобождении от работы там. <...> Но Ильин меня удивляет! Что ж он только сейчас сообразил об этом, прекрасно зная, что она член партии? Как бы не пролетело дело с обменом! Будет ли ждать тот, с которым Сашура меняется? Ах, тут не оберешься тревог. Да и хватит ли у меня сил?

28 июня

Сашура в Москве, звонила, скоро придет. Ой-ой, как она отнесется к печальным новостям!..

<...> Мы собрались в ЦДЛ, чтобы пообедать и только, но случайно оказалось, что Ильин на месте, и был короткий разговор с ним. объяснение Сашуры насчет ее работы, насчет псковского обкома и т. д., все это произвело на него известное впечатление. Сашуре выдан бланк работников правл<ения> Моск<овского> СП (литсекретари у писателей приравниваются к тем, кто работает в Моск<овской> пис<ательской> орг<анизации>). Надо написать заявление в правление и отсюда последуют дальнейшие шаги к заключению договора. И главное, это – обращение Московского правления в нужные инстанции, чтобы утвердили злосчастный обмен жилплощадью. Сашура остается до завтра в Москве. <...>

29 июня

Сашура явилась в 2 часа дня. <...> Только что пообедали. Она сидит, читает какую-то фантастику, настроена как-то странно, как будто и враждебно. Но ее не угадаешь. Анкету заполнила и продиктовала то, что я должен написать в секретариат нашего Московского правления. Этим наши дела исчерпаны, а кроме них не знаю, что связывает ее со мной. Зато очень хорошо знаю, что связывает с ней меня. Наверно, так случится, что как только будет завершено хождение по мукам, по инстанциям и Сашура окажется жительницей Москвы, окончится ее зависимость от меня и мое, черт возьми, наваждение. Ничего другого не предвижу. Но пока я нужен Сашуре в этой последней истории, буду делать все, что требуется, а дальше

она свободна в любом отношении. Я слишком устал и стар, чтобы сегодня рассуждать по-другому. <...>

Мы с ней поехали сначала в Худ<ожественный> салон на Украинском бульваре, потом в польский магазин «Ванда», я проводил ее до метро на пл<ощади> Ногина и вернулся один домой.

Застал дома Катю и ее парня Мишу. Оба отправились на Пахру. И вот я один-одинешенек в этом доме, который знал столько счастья и столько несчастья, в котором 40 лет царила Зоя, а я остался бобылем навсегда. И нечего, решительно нечего прибавить к этому. Наталья Огай еще два года назад назвала меня королем Лиром в финале трагедии. Это – сущая правда. Единственное несходство в том, что Карделии у меня нет, и я в здравом уме, твердой памяти.

1 июля

Итак мне исполнилось 78. Весь вчерашний длинный день я был совершенно один в пустой квартире, слонялся без особого дела в халате, но совсем не страдал от этого. Пришло несколько телеграмм, среди них от Вари с пожеланием до конца дней «ходить ногами» – это очень трогательно и по существу верно. Вечером сегодня ожидается возникновение немногих гостей, но умеренное по числу.

Дня два назад получил письмо от Зубова из Магаданской области. Последние годы он пишет редко и на этот раз поспешил ко дню моего рождения. Это очень несчастный и в то же время на редкость счастливый человек, давным-давно репрессированный за то, что цитировал где-то пушкинского «Андре Шенье». С тех пор прошло больше полустолетия, но выбраться из Магад<анской> обл<асти> он никак не может. А между тем заработал звание заслуженного деятеля культуры РСФСР, собрал замечательную библиотеку в посёлке, где живет, долгое время заведовал ею на общественных началах, но почему-то был снят, лишен квартиры при библиотеке, долгое время бедствовал без крыши над головой... Словом, судьба страшная. А письма его не пессимистичны, скорее наоборот.

2 июля

Вчерашний вечер был довольно удачным. Пришли Йонас с Диной, Лесневский с Валей, Олег Лозовецкий с Леной, В. Фегельсон с Лилей, Лев Левин, Виктор Широков, Толя Миндлин, да еще мы, четверо: Кипса, Катя, Андрей и я. 15 человек кое-как уместились за столом полным еды. Все были говорливы и о чем только не было речи. Интересно рассказывал Миндлин о Севе Багрицком, Мусе Джалиле, о других своих поисках и находках в военных архивах, пустых разговоров не было. Новая в компании только жена Фогельсона, Лиля, артистка из «Современника», но она очень легко ассимилировалась в нашей среде и, кажется, была довольна.

Ночью шел проливной, шумный дождь, я проснулся от этого шума под утро, но легко снова заснул и проспал до 9-ти утра. <...> Много подарков, но еще больше цветов, были и телеграммы. Что ж, еще один барьер позади. Но это соображение умственное, отвлеченное, по сути же дела, ничего не изменилось ни внутри ни вовне. Граница воображаемая, как линия экватора.

Был у Ильина и получил письмо в Бюро обмена жилплощади. <...> А теперь на Пахру. Хоть немного приду в себя.

3 июля

День начался с ответов на письма: Банк, Резникову, Наталишке.

«Опупея» со статьей в «Комс. правде» завершена: редакция оплачивает статью и тем самым отказывается ее печатать. Тимур Степанов давно уже предлагал этот вариант, но я сдуру отказывался, надеялся на лучшее. Только что с ним говорил. Он просит забыть о прошлом и «дружить» с газетой. Я не возразил, – почему бы нет? Говорил с «Неделей» (с Лордкипанидзе), пишу для них о Завадском, к его 80-летию.

Ожидание письма у Ильина тянулась два с половиной часа. И вот она у меня в руках, – насколько действенное, выяснится на будущей неделе, если Сашура возникнет в столице нашей родины.

Так непроизвольно продолжается лихорадка профессиональной жизни, так написано на скрижалях моей судьбы, выражаясь высоким слогом. На этом мои тревоги временно исчерпаны и завтра с легким сердцем и чистой совестью еду на Пахру.

4 июля

Вот и на Пахре. Из попыток дозвониться утром к Левину или Фогельсону и попросить как-то подтолкнуть процедуру рукописи где-то между корректорами и техредом ничего не вышло. Все остается на волю беспорядка в и<здательств>е. Здесь тихо, светло, цветут пионы и тут же осыпаются, сад – Зоина гордость и радость – сильно запущен, сорная трава не скошена, но разве может быть иначе, если Зои нет?

5 июля

Вот самая лучшая строфа, сочиненная мною:

Ключ ясных формул к миру не подобран.
Но как ни бейтесь с формулами вы,
Мир завтра будет праздничным и добрым
И совершенным с ног до головы.

Это было написано перед самой войной, в 1940 г. Казалось бы, жизнь намертво опровергла эту строфу, а я обнаружил самое дешевое прекрасное в духе Жуковского. Но в конечном счете я прав, ибо завтра в поэзии не означает буквально на следующий день. Мир еще и поныне далек от праздника, доброты и совершенства, но поэт обязан звать людей только в эту сторону, только туда! И если мне предстоит еще что-нибудь сделать настоящее, то вот и дорога.

Наташа (мать Кипсы) рассказала мне вещи, о коих Кипса не сочла нужным известить меня. Катя уже жена своего парня, Миши Журавского. Они не расписаны в ЗАГСе, ибо Катя 16-ти лет не имеет на то права. Муж ее, очевидно, тоже. Кроме

того, это секрет от школы, которой Катя еще не окончила, предстоит десятый класс. Если в школе узнают, Катю исключат.

Еще событие: Андрей как будто расстается с Милой. Она уже второй раз изменила ему. Первый раз он простил, а сейчас что-то решил. Оба события одинаково чреватые непредвидимыми последствиями. А вдруг Катя забеременеет? Тогда прости-прощай и 10-ый класс, и ее художество, и поступление в институт. Андрею тоже будет нелегко. Правда, Мила никогда и не была примерной мамой для Дениса, но если Андрей приведет в дом другую женщину, то как эта неизвестная отнесется к чужому ребенку? А больше всех достанется моей дочери. Сколько тяжести ляжет на ее плечи! Катин муж Миша – типичный бездельник, лентяй, избалованный крайне. Среднюю школу он окончил. Говорят, что он талантливый художник. Но я не видел ни одной его работы! Вот еще характерная подробность: Катя крестилась по православному обряду. Как будто таким было желание родителей Миши.

Эта современная молодежь, это странно растущее поколение, его акселерация скорее физическая, чем духовно-интеллектуальная, констатация того, что оно абсолютно мне чуждо и дико, – всё это заново приходит в голову при виде двух малолетних образцов... Катя совершенно и неистово избалована матерью, которая потакает ей во всем. И Кипса совсем того не сознает и дальше идет в том же направлении. Ко мне моя дочь совершенно не прислушивается, считает вредным любое мое вмешательство. Ко всему примешивается ее совсем уже ненормальное отношение к Сашуре, отношение близкое к ненависти: как будто я что-то отнимаю у нее и ее детей, своих внуков.

6 июля

Передача по телевидению об Ушакове мне очень понравилась. Да и я в ней лучше, чем предполагал и чем выгляжу в своей собственной. Стихи Ушакова читали он сам, старый актёр Чирков и два молодых чтеца. Всё в целом хорошая работа и выдумка Йонаса и Дины, которые землю роют ради поэзии и очень умно это делают.

Уже написана статья о Завадском. В ней моих пять страниц, а заказано не больше четырех. Доверяю сокращение редакции «Недели». Там это делают тактично и безболезненно.

7 июля

Три дня по телевидению шёл фильм «Белая земля». Сам сюжет не слишком вразумителен: сложная история времен Второй мировой войны. Но два главных актера играют здорово и на редкость правдиво. Условия, в которые они поставлены, очень нелегкие: борьба за жизнь, крайнее напряжение, все время на волоске от гибели, взаимное недоверие вполне оправданное обстоятельствами. И поставлено замечательно – и в отношении жизненной правды и той степени условности, которая не искажает этой правды, скорее подчеркивает.

Работать мне здесь, конечно, легче чем где бы то ни было, предстоят еще два дня. Попробую закончить перевод стихотворений Томаса Венцловы. <...>

8 июля

Вчера был у Ксении Нагибиной. Юра в Польше.

Написал о Завадском и сильно подвинул перевод стихов Томаса Венцловы. Сейчас около трех часов дня.

К вечеру в Москве. От Сашуры телеграммы нет – отсюда можно сделать вывод, что завтра она будет в Москве. Есть и дела: отнести в «Неделю» рукопись, достать деньги.

9 июля

Сашура явилась гораздо раньше, чем всегда, еще не было и 10 ч. у. Я был в халате и небритый. Быстро согрели чай и она чаю попила и хлеба поела, а больше ничего и не было в доме. <...>

Съездили в Гослит, где я получил деньги за 5-ый том Брюсова. Были и на Беговой, где Сашура кое-что нашла для себя. Обедали в ЦДЛ (что подделаешь, это уже почти обряд). Вернулись на ул. Щукина. <...>

С 8 ч. вечера опять на Пахре. Был очень жаркий и душный день. И если хорошо вдуматься в обстоятельства моей жизни, то вывод только один: это и есть старость, голубчик мой, именно она, а не что-то другое. Старость в сопровождении каких-то беспочвенных и запоздалый претензий. Результат – головокружительное скольжение вниз по сверхнаклонной плоскости.

10 июля

Читаю без большого интереса польские новеллы в июльском номере «Иностранной литературы». Страшно раздражают меня невольные открытия пропаж на книжных полках здесь, в этом заповедном (да, да!) доме. Только что обнаружил недостачу тома Хемингуэя. Кто виноват? – Скорее всего, Катя, которая отбрыкивается от всяких расспросов и вообще не признает ответственности ни за что. А тут еще моя трубка (одна из двух) пропала.

Кончил перевод стихотворения Т. Венцловы. Автор молод и неопытен, поэтому завирается. Я был сам таким же в 1920-х годах: избегал простых и прямых решений, кружил вокруг да около, предпочитал невнятицу, лишь бы она была моей. Сын преодолевает ошибки отцов, но делает это с той же недалекой неуклюжестью, которая была свойственна не только Антанасу Венцлове, но и многим его ровесникам, неофитам советской ориентации. Те, что моложе, как Межелайтис, Реймерис и др., оказались тоньше, острее, дальновиднее и непосредственнее. А мальчик Томас так уж «загнул», что с места в карьер очутился в интеллектуальном тупике.

На Пахре мой дневник более многословен, нежели в московской дневной сутолоке. Поводы для многословия всегда найдутся, даже помимо моей воли и моих намерений.

11 июля

Ночью совсем неожиданное происшествие. Поленившись спуститься вниз для малой надобности, я облегчил это приключение, выйдя на малый балкон и тут же под ногой треснула и провалилась подгнившая доска. Вся моя левая нога провалилась вместе с доской. Еле выкарабкался, ногу и руку (тоже левую) сильно саднило.

Проснулся с мыслью о том, что балкон требует срочного ремонта. Кажется, сгнили только доски, а толстые балки, на которых держится весь балкон, вполне прочны. Кипса откладывает эту заботу на будущее лето, ибо сейчас надо срочно заботиться о фундаменте всего дома, который тоже внушает большую тревогу. А на балкон, очевидно, вообще нельзя выходить.

День серенький, в тучах. Читал стихи В. Соловьева и статью о нем. Поэт он меньше чем средний. <...> Перечитал книжку Деспестра с моими переводами и еще раз убедился в том, какой он сильный поэт. Конечно, в моей книге французских поэтов, ему самое место, без него книга будет сильно урезана.

Вечером по ТВ передавали фильм о Завадском – тот самый, что и раньше. Сейчас он приурочен к его восьмидесятилетию. Завтра ему стукнет 80 лет. Снимали все это года два или три назад.

12 июля

Наконец-то я у Матусовских. Впрочем, нет, прошлым летом тоже как-то был у них. Семья в полном сборе плюс уже большенький внук и муж Иры. Болтали о фильмах, о вчерашнем фильме к юбилею Завадского, о жизни Леонардо да Винчи и многом другом. О Солженицыне, разумеется, тоже.

Постепенно я вхожу в ритм местной жизни, который совсем чужд мне и в большой мере оскорбителен, поскольку в нем нет Зои, а есть забвение того, чем она была не только для меня, но и для друзей. И горе не только в том, что Зои нет, но и в том, что ничто не восстановимо, что ее уход разрушил все связи и опосредствования в мире людей и вещей. Не знаю, как это выразить яснее и точнее, но дело в том, что все вокруг потеряло свою ценность, свою жизненность. Зоина доброта и щедрость придавали и людям, и пейзажу, и каждому семейному укладу иной высокий смысл и иное предназначение. Все это безнадежно утрачено. И если в Москве, тем более в других городах, от этого отвлекаешься, не замечаешь зияющих пустот, то на Пахре они обнаруживаются на каждом шагу. <...>

Явились деятели телевидения под водительством вездесущего Йонаса. Явились, чтобы записать чтение переводов Григола Абашидзе: ко мне, потом к Симонову. <...> И потянуло старой Пахрой. Как тогда, в те счастливые годы, когда телевидение приезжало к нам, прочно сидевшим здесь, и это было и для Зои и для меня каким-то просветом в деревенском однообразном быту.

Июль бодро приближается к своей середине, до нее всего три дня. Мне так странно, что отошла на второй план тревога за Сашуру, за ее дела. Всё-таки она, Саша Некрасова, самое близкое мне существо на белом свете. Слишком часто это повторяя, я как-то притупил, сгладил остроту самого признания – даже наедине с этой тетрадью, а между тем... А между тем все остается в силе и в той

«первозданной свежести», которая говорит и о чувстве, по-молодому чистом, и о безнадёжности, а она как раз и украшает это чувство, и возвышает.

Кипсы нет, а работы на участке, к-рые она организовала, идут полным ходом. Трое парней ремонтируют фундамент дома, а две женщины возятся на земле, расчищают всю посадку флоксов. Конечно, второе не так выглядит, как при Зое; вообще с цветами плохо, но это уж погода подкузьмила.

13 июля

Поразительно, как каждый день прогнозисты ошибаются насчет погоды. Вечером было предсказано на сегодня 20–26° и временами дождь, а на самом деле еле доползло до 20°, и весь день проливной дождь. Очевидно, выбирают самый оптимистичный вариант и жарят как по писаному. Это метод беспардонного надувательства. Очевидно, так же обстоит дело по всему Союзу. Собственно говоря, это относится не только к погоде – всё лакируют и гримируют под полное благополучие, а заодно и не зависящую от социализма самодержавную погоду. Ведь у вранья не может быть ошибок.

Приехали Кипса, Катя, Миша, навезли гору продуктов, мне – блок сигарет, номера «Недели». <...>

Нашел здесь еще одну книгу Ивлин Во, которой не читал, а если читал, то забыл начисто. Очень хороший английский писатель, парадоксально язвительный, с диким юмором, но далеко не веселый. Его персонажи, конечно, выдуманы, но такое впечатление, что они списаны с натуры.

14 июля

Все мое шумное потомство во главе с Кипсой на ногах, шумит внизу, у каждого свой отдельный мир (равно как и у меня). Нет нужды еще раз высказывать свое отношение к такому раннему браку. Он – свершившийся факт и только. И если я так говорю, то не из равнодушия, отнюдь нет. Просто знаю, что любой из старших и многоопытных родных абсолютно бессиленизмь что-либо. Летящего по рельсам экспресса не остановишь никакими тревожными сигналами и записываться в стрелочники – самое неблагодарное дело.

Вчера получил письмо от Лесневского, довольно тревожное. Оказывается, обком предлагает провести День Поэзии не в Шахматове, на нашей поляне, а в школе, носящей имя Блока. Это неожиданная новость. К тому же, если исходить из опыта прошлых лет, в воскресный день будет столько же народу, если еще не больше, чем в прошлые четыре года. В школе они не уместятся. Добро бы еще, если в тот августовский день будет дождь, а если жара, как всегда? И отчего так решил обком – непонятно.

Может быть, это мне только кажется или еще проще, только хочется, чтобы так на самом деле было, но я жду хотя бы тени, хотя бы дуновение или отблеска Зои все эти дни в этом доме, так далеко ушедшим от Зои за эти пять с половиной лет. И если жду этого, значит – она недалеко, все-таки недалеко. Значит, и для меня, грешного, забывчивого, разбросанного и разбросавшего за эти годы столько сил, напрасно ещё существует хотя бы видимость дороги к спасению. <...> Сколько раз

на протяжении двадцати веков повторялась история, похожая до мелочей на мою. Она обыкновенна, тривиальна, я – не герой. <...>

15 июля

<...> День совершенно пустой, если не считать чтения книг о будущем науки. Это очень полезное для меня чтение, полезное для пересмотра обычной позиции о разрыве между точной наукой и поэзией, вообще любым искусством.

<...> В пахринскую жизнь прочно погрязая – до конца июня наверняка. Очень ненадолго заходили Костя и Лариса, посидели в саду, посмеялись над Денисом, который был в ударе и устроил целое клоунское представление – это сейчас его любимое занятие. Константин пишет о Португалии для «Правды».

16 июля

Без конца звонил и Верченко, и в обком, и Ильину, и, наконец, в ЦК Альберту Беляеву, оспаривая решение обкома устроить блоковский праздник в школе, вмещающей всего сто человек, – и все это ударялась в глухую стену непонимания. Меня и отсылали куда-то еще...

<...> Написал для Мазуркина письмо в «Неделю», он туда отнесет свои стихи (тоже на три четверти безнадежное дело). Узнал в производственном отделе «Сов. писа», что моя рукопись завтра отправляется в Тулу: у техреда ко мне никаких вопросов. А Пушк<инский> сборник в стадии связки и еще валандается в недрах того же «Сов. писа». <...> Перевод стихов Томаса Венцловы не перепечатал, на письма не ответил, с Сашурой так и не поговорил, только послал ей книгу сказок Андерсена. Вот, кажется, и все!

17 июля

Абсолютно пустой день. Ни событий, ни мыслей в голове. Так что сплошная экономия бумаги и бесполезная трата мирового времени.

18 июля

Вечером богатейшие впечатления от телевидения. Прежде всего, очень хороший фильм по «Игроку» Достоевского. Ставил Баталов, играли хорошие актеры – и сам игрок, и Полина, и бабушка (Добжанская), и эпиз<одические> фигуры, а особенно атмосфера игорного дома. <...> Лишнее доказательство того, какой материал для сцены, для кино – весь Достоевский, как легко ложатся в кадры театрального действия страсти, бушевавшие героев и героинь Достоевского.

Следующей была передача о музыке, вела ее та же Ольга Доброхотова, которая блистала на экране во время конкурса Чайковского и передач из La Scala. Чем-то напоминает она Сашуру – высоким лбом, ясной дикцией.

И наконец третье, самое главное и самое мне близкое – передача, посвященная Вене Каверину. Больше получаса, с отрывками из двух его фильмов («Два капитана» и «Исполнение желаний»). Много и свободно, легко и своеобразно

говорил сам Каверин. Его подначивал Андрей Турков. Все это происходило в доме Вени в Переделкине. Так что весь вечер этого пустого дня был неожиданным подарком для меня, изнывающего здесь и от безделья и от скуки. Самое скверное в том, что я ничего не делаю. Сколько ни мечтаю марать бумагу, выдавить из себя что-то художественное, так нет же, сижу на мели. Очень противное состояние!

20 июля

Перечел <...> маленькую книжку П. Муратова «Герои и героини» (1918 год) с небольшими, очень сжатыми и тщательно (по-стендалевски) написанными новеллами разных эпох истории – от античного Рима до начала Первой мировой войны в 1914 г. Это новеллы о выдуманных героях и отчасти выдуманных событиях, без какой-либо фантастики, если не считать фантастикой самый факт свободной выдумки сюжета и его перипетий, в общем несложных и вполне правдоподобных. <...> Если мне удастся сделать нечто привлекательное в области художественной прозы, не повторяя при этом «Сказок времени», то книжка Муратова может натолкнуть на верные соображения и на соблазнительную дорогу.

Проза вполне самодержавна. То, что доступно прозаическому раскрытию, чревато очень большими и очень завлекательными перспективами. Впрочем, тут, трудно предвидеть заранее во что выльется только что родившаяся и еще туманная и неопределенная мысль. Надо обойтись без исторических персонажей. Надо их найти в безымянных современниках той или другой эпохи, будь они русские, французы, грузины, кто угодно. Любовь, смерть, неудача, несбывшаяся мечта, нечаянный взлет и быстрое падение, острый диалог между двумя, внутренний драматизм каждой жизни, ее напряженность, – вот о чем надо рассказать и вот что надо показать в действии, в окружении реалий времени, в опосредствовании с жизнями многих сотен других, таких же безымянных. Смогу ли я это сделать? Хватит ли воображения, личной памяти и опыта, хватит ли выдержки и усердия? Отказ от поэтической формы очень усложняет работу. Часто рифма сама ведет к повороту линии и диктует новую и неожиданную внезапность. Рифма выручает. <...> И тем не менее она очень опасна. Итак, проза. Проза честная, без прикрас, без риторики: учиться у Пушкина, Стендаля, Мериме, отчасти у Тургенева.

21 июля

Рифма была человеческим изобретением, неким превышением выразительности и прогрессом, что неоспоримо. Необычность заключалась в том, что в известный момент не враги поэзии, но сами поэты осудили рифму. Этот момент, естественный в поэтической логике, начался с рифмованной булады Верлена. Но в течение последующих пятидесяти лет охлаждению к рифме со стороны поэтов сильно помогло ее употребление всеми Эдмонами Ростанами земли и достигло полного отрицания поэтической значимости. По странному противоречию, это оказалось точкой зрения сюрреалистов: а между тем, может быть, шедевром сюрреалистической поэзии была как раз «игра слов» у Робера Десноса, продолжавшего открытую жилу Марселя Дюшампа и усовершенствовавшего тот случай, когда все стало рифмой, когда рифма дошла до

апогея и уже не отличалась от буриме и заполняла всю строку целиком. <...>, как в этом знаменитом двустиишии:

Cal, ammant de la Reine alla (torit avangnanien)
Calemment de l'arene a la Jour Magne a Nime

Суровая критика рифмы, сверх того, привела к полному исчезновению ее в современной поэзии. Настало время разобраться в этом явлении и найти основания для такого упадка, постигшего стихотворения и поэмы и почти не коснувшегося песни...

22 июля

Было бы неправдой сказать, что я непрерывно помню о Зое, но я о ней обязательно вспоминаю. Это и не воспоминание даже, а самое обыкновенное отчаяние, которое никогда не притупляется. И кажется, что самый воздух в доме, каждая травинка в саду, каждая книга на полке, и все Зоины деревянные скульптуры, – все это разные реалии, так плотно населяющие этот мир сегодня, все они смертельно оскорблены тем, что с ними случилось за последние пять с половиной лет, когда Зои уже нет, и, конечно, я тоже принадлежу к числу этих реалий. Со мною тоже произошло непоправимое. Оно не в том, что я постарел. Перемены кардинальнее, глубже: я стал равнодушным. Зоя была аккумулятором сверхмощной энергии. Она будоражила себя и других, а среди этих других я был самым близким ей, физически и духовно. Она будоражила, толкала, принуждала действовать, вдохновляла, подсказывала, руководила... Она могла быть и неправой, и капризной, и слишком наивно прямолинейной, но это не важно! В ней была большая сила внушения по отношению к окружающим. Кое-кто побаивался Зои. Моложе меня на шесть лет, она всегда оказывалась старше меня и не только в последние годы, когда шестилетняя разница между нами сгладилась, а то и стерлась, нет, гораздо раньше, чуть ли не с тридцатых годов. Еще до войны она выросла нравственно и духовно, стала на редкость проницательна, остро воспринимала все окружающее, прежде всего, людей, кем бы ни были они. Ее отбор и выбор был точен и резок, и если она кого-то отвергала, то отвергала окончательно и навсегда. И надо признать, что безошибочно. Это не было инстинктом самозащиты. За этим стояла вообще защита человеческого общежития и общества, а не защита своего дома, т. е. нечто глубоко альтруистическое. Вот я исписал почти две страницы о Зое... Так будет всегда, оттого что сама мысль о Зое вызывает целую бурю полувоспоминаний, полуоценок. В них нет преувеличений задним числом, нет запоздалого восхищения. Все это – трезвая и точная правда.

23 июля

Дни, проведенные на Пахре, в сущности, совсем бездеятельны для меня, если не считать беспорядочного чтения и мало полезного перевода из статьи Арагона о рифме. <...> Через некоторое время вернется Кипса и я двину до завтра в Москву: за деньгами, чтобы связаться с Сашурой и за всем, что продиктуют обстоятельства. Но пока что мое место до начала августа здесь, а не в Москве. Стоит жара, прерываемая короткими грозowymi дождями. Потомство мое здесь в полном сборе.

По приезде на ул. Щукина, первое что я обнаружил, была телеграмма от Сашуры, посланная шесть дней назад. «Получила отказ Карманенкова. Я». Так она всегда подписывается. Это значит все хлопоты и тревоги, июньские и июльские, летят к дьяволу. О прописке в Москве не может быть речи, комнаты в Лен<инградском> р-не как не бывало. На что рассчитывать в дальнейшем, неизвестно.

Но хороша же моя внучка! Она видела телеграмму, сказала третьего дня, что есть такая, а привезти не привезла. Почему? – Не отвечает.

Написал Сашуре короткое письмо. <...>

Вечером были Йонас и Дина, принесли белого вина, сосиски, хлеб. Очень невеселые жалобы на порядок у начальства на ТВ, им здорово нелегко. Вместе обсуждали план передачи о Петрарке, по-моему, крайне беспомощный и бессвязный. Оба в ужасе от Сашуриной неудачи.

24 июля

Ночью глаз не сомкнул. Новый приплод крохотных клопиков ползал за ушами, по носу, по щекам, алчно покусывал, наливаясь кровью и никаких сладких грез не навевал по своей сволочной натуре.

<...> Перепечатал перевод стихотворения Томаса Венцловы, еще какие-то дела сделал, письма написал Зисельман⁸ и Савыгину, редактору «Пушкинск. края». Поехал в «Правду», получил деньги за стихи и пенсию за июль. Звонил в «Сов. пис», узнал, что рукопись только вчера была послана в Тулу, что <...> пушк<инский> сборник ожидают со дня на день. Поехал в УОАП, получил там деньги, и потом – в ЦДЛ, чтобы встретиться с капитаном и его женой.

Тут же оказался Лесневский, надоумивший меня звонить в Обком. Но лучше бы я не звонил – на такую идиотку напал. Эти люди, ничего не смысля в нашем (Блоковском) деле вмешиваются во все беспардонно. Почему-то они против Блоковск. Праздника, особенно в Шахматове. В чем дело? Откуда идет апломб этих психованных дамочек, считающих себя экспертами в области культуры? Я решил, что 4-ого поеду, но если праздник будет не в Шахматове, а где-то еще, тут же поверну оглобли в Москву. Ну их к лешему.

Вечером опять на Пахре.

26 июля

Перечитываю все романы Грэма Грина. Сейчас читаю «Тихий американец» (1955). Это самый интересный для меня, оттого что речь идет о Вьетнаме до 54 г., когда там еще шла война с французами. И лишний раз убеждаюсь в том, как сильно влияния Толстого и Стендаля на европейских писателей – тот же равнодушный и жестокий реализм в оценке событий, то же огульное отрицание смысла в действиях человеческого муравейника, а в конечном счете тот же фатализм, чуть ли не буддистского происхождения. <...> Вот и Грэм Грин в плену равнодушия, он всегда и везде сторонний свидетель, профессионал скептицизма, аргоігі поставивший крест на историческом мышлении. Это позиция характерная для его поколения, а может

быть и для всего европейского человечества, изнемогающего под бременем своего исторического опыта.

Среди писателей английского языка (то есть и англичан и американцев и австралийцев) Грэм Грин выделяется абсолютной преданностью правде, неумением и нежеланием лгать. Он достоверен, как хороший очевидец любого происшествия. В герои он выбирает личность заурядную, неудачника, уже немолодого, очень трезво оценивающего самого себя, отчасти и бесхарактерного, плывущего по течению и знающего об этом. При этом в добротном реалистическом повествовании Грину сплошь и рядом приходится иметь дело с четвертым измерением: он легко переходит от воспоминаний о прошлом к сегодняшнему дню, так что на одно и то же лицо и на одно и то же событие у писателя сразу два ракурса. Это прием нарочито усложняющий повествование. Он помогает установить подноготную в поступках героя. <...> Тут Грин действует безошибочно и в каждом из романов одинаково, но в то же время всегда неожиданно, всегда это новинка. Как этот англичанин (до мозга костей англичанин) ни далек от Достоевского, как он ни рационален, но здесь его анализ в чем-то близок Достоевскому, более близок, чем у кого-либо другого из западных писателей. Он служит менее значительным, менее высоким целям, нежели те, что ставил Достоевский, но метод тот же, искусство прозаика то же.

27 июля

Пробую перевести хоть что-нибудь Тристана Корбьера, Аполлинера. Но то ли я забыл какой-то секрет этого искусства, то ли не могу сосредоточиться, больше двух строк в день не выходит. Это не слишком надо, но почему бы не увеличить будущую книгу?.. Сосредоточиваюсь только на чтении и то с грехом пополам. Скорее всего, отвлекает сама мысль о том, что я разучился работать как когда-то. Отвлекает и отсутствие почты.

Весь день льет как из ведра. Жара кончилась безнадежно.

29 июля

Вчера вечером был у Симонова, там же были Григол Абашидзе с женой, которому на днях исполняется шестьдесят лет. У Кости, как всегда в таких случаях, изрядное угощение и выпивка. Разговоры обо всем на свете.

А у меня в разгаре шахматный психоз. Он мешает читать. Очень навязчивая штука. А было-то всего по две партии в день с Андреем.

30 июля

<...> Письмо от Володи Орлова и многих других. Володе ответил. Остальным – уже в Москве. Отправляя час тому назад письма, сильно промок под внезапным проливным дождем, который кончился как только я пришел домой. Мой шахматный психоз что-то растянулся, сильно мешает читать... Да и делать что-нибудь тоже мешает.

31 июля

Вот и кончается первый месяц моего семидесятивосьмилетия. <...> Не могу подвести каких-то определенных итогов ни за месяц, ни за полгода. Что было решающим и основным? Наверно, все написанное о Пушкине и дважды пребывание в Пушкинских горах, в феврале и в июне. Важной была и последняя работа над «Ночным смотром», приведение книжки (совместно с Фогельсоном) в «пригодный для редакции вид». <...> А сейчас я по-настоящему страдаю от того, что не ладится никакая творческая работа. Раньше я не придавал таким периодам серьезного значения, ибо хорошо знал, что период бездеятельности пройдет. А вот на этот раз страшновато. Неужели я кончился?

2 августа

Мой шахматный психоз продолжается несмотря на то, что я совершенно отказался играть. Раньше такого никогда не было. Непрерывно в голове роятся какие-то «верные» комбинации, мешающие читать, думать о чем-либо, заняться производительным трудом, попросту сочинять, даже стихи. Это очень плохой признак и я не вижу средства избавиться от психоза. Тут нет самовнушения, разве только страх. А ведь надо готовиться к послезавтрашнему празднику Блока, подумать о том, что и как сказать на открытии. А вот поди ж ты! Скверная история. Даже сейчас, записывая эти строки, я отвлекаюсь от них все тем же навязчивым и непреодолимым высчитыванием шансов на выигрыш какой-то партии в шахматы. И утром, стоит проснуться, психоз тут как тут!

4 августа

Неожиданно Блоковский праздник прошел очень прилично, более цельно, чем в прошлом году и хорошо принят аудиторией. Происходил он все-таки в Тараканове, а не в Шахматове. Но причина веская: дорогу в Шахматово развезло после июльских дождей и она непроезжая. Все выступавшие читали Блоковские стихи. Я отказался от того, чтобы открыть праздник и вести его. Я просто рассказывал свои же давно напечатанные воспоминания о 1915 г. и 1921 гг. и очень шумно был принят. Со мною приехали Йонас, Дина и Виктор Широков.

Сильно разболелся живот, чего давно уже не было. Широков очень советует заказать бандаж. Очевидно это придется сделать.

5 августа

Проснулся, наспех оделся, чуть прибрал в комнате, еще больше наспех умылся, выпил чашку кофе. В 10 ч. выехал из дома, завез предисловие к книжке Беллы в Гослит, а перевод стихов Том<аса> Венцл<овы> – в «Дружбу народов», купил в ЦУМе (Центральный универсальный магазин. – Сост.) бритву, и двинулся на Пахру. Надо, чёрт возьми, и о душе подумать, т.е. взяться за вечное свое дело. Шахматный психоз совершенно исчез.

Основное свойство жизни на Пахре в том, что в противоположность Москве здесь время растягивается как резина. Причин для этого много и они очень простые: нет людей кроме тех, что живут со мной в доме, нет телефонных звонков, нет надобности куда-то спешить, даже нет надобности выходить из дому. Вообще нет никаких надобностей, их приходится изобретать. Я привез на этот раз акварельные кисти, но отсюда не следует, что я что-нибудь нарисую, хотя меня давно уже влечет к этому делу шестидесятих годов. <...>

6 августа

Одно из бедствий на Пахре, что чуть ли не каждый день на много часов выключено электричество. Причина, кажется, в том, что разросшиеся на участке ели замыкают воздушные провода, но может случиться, это сознательное действие со стороны соседнего профилактория, подобно тому как они лишают писателей воды в дни жары. Словом, я лишен возможности бриться и в полпервого, когда день серый и мглистый, уже с трудом читаю.

Все это в одном ключе подмосковной жизни, благополучной только в отношении чистого кислорода, которого хоть отбавляй. Писатели постоянно окружены недоброжелательством и завистью, особенно со стороны профилактория. Завидуют нашим домам, нашим машинам, даже нашим именам, более или менее известным. Между тем чиновники какого-то ведомства живут там месяцы и месяцы бесплатно и кормятся за казенный счёт, так что основные потребности их удовлетворены, а других у них и не имеется.

Катя привезла из Москвы короткое письмо Гейченко с приглашением приехать в Михайловское, к 150-летней годовщине приезда Пушкина в Михайловское в конце августа, в том же конверте новый альбом заповедника и еще кое-какие рисунки и гравюры. Об этом мне стоит подумать – почему бы, правда, не поехать?

7 августа

Чтение книг, даже хороших, ничего не меняет. Пробы что-то перевести по-прежнему не удаются. Не держа мыслей в голове, трудно придумать что-нибудь стоящее изложения на бумаге. Ведь даже поэзия и стихи требуют умственной работы: выдумки, темы, а не слабых и мимолетных ощущений. Буду считать это большой переменной перед последним уроком – окончательно последним – перед выходом навечно.

10 августа

Шахматный психоз возобновился всюю. В шахматы я не играл, но он тут как тут и мешает жить, думать, работать, даже читать.

Совсем неожиданно и тем более кстати приехали Дина и Йонас. Мы распили вместе бутылку коньяка и красное вино, которое они привезли. Привезли и два номера их газеты, причем Йонас показал напечатанное в одном из номеров мое высказывание о Пушкине. <...>

11 августа

Вскочил ни свет ни заря и сна нет ни в одном глазу. Причина ясная и грустная. Вчера была здесь Сашура, приехала на такси, долго плутали по разным шоссе, адрес знала весьма приблизительно. Пробыла всего 20 минут. И я увидел с полной очевидностью, насколько я ей чужой человек. В каких-то мелочах дальнейшего дня я как-то отвлекся от этого чрезвычайного события, а проснувшись, представил его в настоящем свете – в ее интонациях, в резком нежелании остаться (что было легко, ибо Кипса в Москве). Она даже в дом отказалась войти.

Я сегодня могу повторить написанное давным-давно:

Что ж, дальше не поедем!
Разорван беглый наш союз.
С тетрадью, как цыган с медведем,
Я на распутье остаюсь.

Однако союз не такой уж беглый – пять лет с гаком. Пять лет тревоги, верного служения, воспевания в стихах и прозе, всесторонней заботы и прочего, чего не перечислишь. Но если уж говорить полную правду, то разве я убит этим, разве сильно страдаю? Так нет же, все в порядке вещей: тоненькая ниточка оборвалась.

Право не знаю, есть ли у нее <...> опора, друг, близкий человек, любовь. Как-никак 28 лет, давно пора замуж и, возможно, проще замуж, родить дитячко и жить дальше. Вот так обстоит дело. Еще раз, положи руку на сердце, я ни капли не страдаю. Слегка задето самолюбие – и все. Я сорвал ей три красных флокса и с миром отпустил в путь.

Но хороша же Катя! Оказывается, Сашура звонила, просила передать, что в воскресенье приедет, а Катя не передала.

12 августа

Записав все это и облегчив этим душу, я спал как убитый до 10 ч. День довольно жаркий и яркий, совсем как в счастливые времена пахринской летней жизни. Главная моя забота на сей момент – определить, что же собственно я должен делать, о чем и как писать. <...> У меня нет права сдаваться, ограничиваясь констатацией сомнительных объяснений вроде усталости и растерянности.

13 августа

Еще не было 11-ти, я уже прибыл на ул. Щукина и ждал звонка Сашуры больше часа. Оказывается, она звонила по телефонам-автоматам каждые пять минут, но мой телефон был занят, хотя я ни с кем не говорил. Вот так работает наша столичная автоматика. <...>

Сашура за мной приехала. Мы втроем с Ник<олаем> Ник<ифоровичем> поехали обедать в Эрмитаж, а потом в разные книжные лавки. Я ублагодарил ее новинками и редкими и старыми. В пятом часу двинулись во Внуково. Я проводил

ее на самолет в Волгоград до сентября, до конца ее отпуска, и прямым ходом сюда на Пахру. А вечером у меня вдруг поднялась температура (37,4°) и сильно знобило.

14 августа

<...> Вечером опять повысилась t°, на этот раз 38,5°. Никак не могу понять, в чем дело. Аспирин аккуратно ее снижает, значит во мне сидит какая-то инфекция. Сегодня хотя бы провел день не зря, набросал в блокноте несколько мыслей о лирике.

Новый выпуск «Научной фантастики». Как всегда, обилие научных и технических терминов портят картину своей нецелесообразностью. Но всё равно впечатление больше, чем от простых беллетристических достоинств маленьких повестей.

16 августа

Два дня – апогей моей болезни. Вчера вечером было 38,8°. Был доктор из профилактория и ничего, в сущности, не нашла, хотя прощупала и просукала всё довольно внимательно и подробно. Прописала пенициллин, который мне вкалывают сестрицы из того же профилактория. И это уже действует. Чувствую себя значительно веселее. Сажу за столом, читаю и т. д. Конечно, за эти дни ничего не произошло, кроме того, что время движется и позволяет тем самым обдумать свою жизнь, как она в общем сложилось, что было в ней хорошего, что дурного. Выводы отсюда необязательны, они всегда остаются шаткими, произвольными, продиктованными минутным настроением.

Наконец-то я посмотрел по телевидению передачу «Наш Пушкин», которую сегодня вечером показывали уже в третий раз, но мне раньше посмотреть не удавалось. В целом она, конечно, интересная. Хороши безусловно только Белла и Межиров, может быть, и Самойлов. Увы, ниже всякой критики Костя и Луконин. Достойно выступил В. Соколов. Что же до меня, то, как всегда, сплошной крик, преувеличенный темперамент, особенно в отрывках из «Онегина». Свои собств. стихи читаю несколько лучше, оттого что спокойнее.

17 августа

Здесь те, кто смотрел передачу, утверждают, что выгляжу молодо, а я ужасаюсь своему дряхлому виду.

Прочел еще одну повесть Генриха Бёлля, тоже давным-давно читанную, «Поезд приходит по расписанию», бесконечно печальную и правдивую во всем, даже в некотором мистическом налете. Отчего у нас не хотят и не умеют так писать, отчего отказываются от сильнейших средств воздействия на читателя, от признания непознаваемого в душе человека? Оттого что отравлены расхожим представлением о реализме, о его плоскостной природе.

18 августа

Вчера позвали меня на открытие мемориальной доски на доме в проезде МХАТа, где жил Михаил Светлов. <...> Конечно, пойду.

Генрих Бёлль не только сильный, но и разнообразный писатель. Я перечел его раннюю повесть «И не сказал единого слова...» и заново оценил анализ чужих мучений, чужой беспомощности и неприспособленности к жизни. Герой почти несимпатичен, отчасти даже отвратителен, а между тем мое, читательское, сочувствие на его стороне. За автора нельзя ручаться, что он тоже сочувствует герою. Но фигура изображена в таких точных и разных ракурсах, так она живет в книге, что простой интерес переходит в симпатию и сочувствие. Это сила искусства.

Заходила сестра милосердия, но я отказался от еще одного укола пенициллина и правильно сделал.

20 августа

Кипса привезла из Москвы письма и среди них грустное письмо от Сашуры. Она совсем недовольна пребыванием в Волгограде, своим окружением там и хочет прервать его. <...> Думаю, что она настолько устала из-за провала обмена, что этим объясняется ее неудача с отдыхом: просто места себе не находит и привычная, тяжелая лямка в Пскове ей легче, чем волгоградское житье с солнцем и рекой. Ее угрюмый, нелюдимый характер тоже сказался.

Письмо и от Эткинда, отчаянное и безнадежное. Хочет повидаться, должен быть в Москве.

21 августа

Узнал из двух телеграмм от Карло Каладзе, что его сын, талантливый скульптор Гульда, скончался, и похороны были вчера. Гульда еще зимой в Москве серьезно болел, но и Карло, его жена, и молодая жена Гульды были полны надежд и никак не думали, что конец не за горами. Отправил Карло телеграмму и письмо.

Выкупил в книжной лавке книгу о Шагале. Написал письма Эткинду, Гольдичу, Сашуре. <...> Книжка моя в Туле набрана и 26-го вёрстка уже будет в Москве. А Пушкинский сборник выйдет не раньше октября и это форменный скандал! Вторая сверка была ужасна по отпечаткам и прочей грязи, так что понадобится еще одна.

22 августа

Все-таки со мною творится что-то ненормальное! Постоянная сонливость. Нельзя сказать, что это усталость. <...> После почти двухмесячного житья на Пахре – откуда усталость? Поневоле приходят мрачные мысли о моей истощенности.

Не привык я сидеть сложа руки. Вчера вечером внезапно начал какие-то стихи, записал полторы страницы и обрадовался, вообразив, что вырвал перо из хвоста жар-птицы. А утром полюбовался записанным и понял, что оно никуда не

ведет, что это такая же безделка, как игра в буриме. Вот до чего, до какой нищеты я дошел.

25 августа

И болезнь моя и, главное, маразм в полном разгаре, болезнь это все-таки температура, сбивается аспирином, а маразм всесторонний. Я даже читать внимательно разучился и больше всего клонит меня к тахте и ко сну. Так никогда еще не бывало. Все мрачные мысли налицо. «Мысли как черные мухи» по-апухитнски. А между тем завтра очень тревожный и трудный день. Как я справлюсь с ним?

27 августа

Неожиданно пришла Белла, принесла розы и коньяк. Оказывается очень испугалась, что я болен, была крайне мила, говорит, будто Нагибин уверял ее (зачем?), что я не люблю её – Беллу-то! Не знаю, удалось ли мне ее переубедить. С Эльдаром у нее пошло на разрыв. Она утверждает: в разрывах вся её жизнь. Работой завалена, сделала сценарий мюзикла по какой-то пьесе Островского – «Не так живи как хочется», если память не изменила мне. <...>

Еще звонили капитан Мазуркин, Инна Заграевская, Нат. Банк. Так что вскоре предвидится слет моих так или иначе любимых людей.

Сашура была. Смотрели детектив Ардаматского по телевидению. Сейчас уехала в «Комс. правду». Оттуда вернется не знает сама когда, хочет добиться какой-то встречи более или менее на высшем уровне: есть признаки того, что ее могут взять на работу в газете, и это, разумеется, идеальный выход, хотя и хлопотный в отношении московск. прописки.

29 августа

Когда Сашура рядом, мне легче дышится. <...> Но она бесконечно моложе меня и для себя давно и раз и навсегда сделала выбор вполне отрицательный по отношению ко мне. Разумеется, картина печальная. Откуда же «легче дышится»? А вот поди ж ты! Именно так обстоит дело, и я могу дать себе отчет, откуда легкость в принятии такого положения вещей. Возраст не только обязывает, но и освобождает от многого: от страсти, от тоски, от ожидания. Я уже вне этой игры, не нуждаюсь ни в какой форме обладания. И право же не собираюсь мучиться зазря. Эта пора миновала для меня. А заботится о том, чтобы Сашура вообще была привязана ко мне, не приходится. Это обеспечено. Она хорошо понимает, что другого такого друга не найдет.

30 августа

От Карасева масса снимков, Ленинградских и Михайловских, еще июньских. Карзанов проявил мою пленку и напечатал то, что вышло. Есть удачные, особенно с Блоковскового праздника 4-го августа. Мемориальная Светлова не ахти.

Разумеется я прав, когда считаю причиной своей болезни душевное состояние, а не какую-нибудь инфекцию. Просто эта последняя нашла благоприятную почву.

Слава Богу, что-то налаживается у Сашуры в «Комсом. правде». Там склонны дать ей месячную стажировку с тем, чтобы в дальнейшем сделать ее собкорром в каком-то крупном городе. Это хороший выход, по крайней мере, на ближайший год. Собкор имеет право на квартиру чуть ли не в 3 комнаты, на телефон и еще многие льготы. А Некрасова может показать такой класс работы, что дай Бог!

31 августа

Вчера закончился новый пятисерийный телефильм под названием «Совесь». Автор сценария Ардаматский, мастер детективного жанра. По-моему это очень плохо! Прежде всего, развезено и рассусолено на пять частей, так что действие развивается вяло и масса пустых показов аэропортов, вокзалов, пристаней и проч. плюс просто фланирующие прохожие в разных городах. Но уж совсем глупо вот что: в фильме масса работников МУРа, ОБХС, милиции, даже КГБ, – и все они мельтешат на экране, обсуждают собственные действия и ошибки, занимаются и самокритикой и выяснением личных качеств друг друга. Причем главный среди них, некий полковник, уже явный призовой идиот. Хорошо, как всегда у нас, играют исполнители эпизодических фигур, тут можно найти и живые характеры, и юмор, и новизну. В целом же явная фальшивка, разбавленная и сахарином и хлорированной водой из крана.

1 сентября

С утра Влад. Мих. поехал в Востряково, расплатился с Машей. В Вострякове хорошо разросся виноград; Маша сделала какие-то посадки. Весною надо заново покрасить всю ограду.

Чувствую себя по-прежнему очень скверно. Надеюсь завтра на приход Анат. Исаевича и нормальное лечение. Единственное достижение сегодняшнего дня в том, что я обнаружил: могу читать внимательно, с пользой и великим интересом письма Пушкина. А день в общем пустой.

2 сентября

Был Володя Орлов. Он тоже приехал на этот чертов пленум и уже вкусил соседство с неизбежными Расулом и Кайсыном, пьяными круглосуточно, наглыми, как оккупанты. Мы много говорили об Эткинде.

Была врач Белла Борисовна, настаивает на рентгене послезавтра утром. <...>

3 сентября

Приходила Нат. Банк, потом – перелетная птичка Инна Заграевская, и обе были милы, сердечны, приветливы. Вечером пришли Ст. Лесневский и Тарасов,

тоже обеспокоенные моей болезнью, оба рассказали о зеленой скуке пленума в Колонном зале. Звонили Брауны. Но центром дня, его сердцем был все-таки звонок Сашуры из Пскова, тоже тревожащейся обо мне.

Но увы и эта радость омрачена безобразной выходкой Кипсы, как только она узнала, что я говорил с Сашурой, – черт меня дернул сообщить об этом, мог бы и помолчать, либо соврать что-нибудь, – она разразилась такой дикой бранью!... Хуже всего, что это произошло при Заграевской. Уж не знаю, правильно ли оценила Инна наш домашний инцидент. Для меня же в нем ещё одно доказательство моего одиночества в семье. Поневоле приходят в голову очень чёрные мысли. Но растить и копить их в себе я совершенно не умею. <...> Когда человек не помнит зла, тем самым он его если не уничтожает, то хоть обезвреживает.

Ни рентген, ни внешний осмотр ничего у меня не показал, особенно в легких, но все-таки требуется, чтобы я повременил «скакать», как выразилась Белла Борисовна. На это я охотно соглашаюсь, ибо «скакать» мне и некуда, и нет охоты. Кипса уехала на Пахру, у меня опять Влад. Мих.

Телепостановка «Домби и сына», о которой говорили столько хорошего, и скучна, и претенциозна, и никак не решена актерски. Хороши только два мальчика – Пауль и Вальтер. Но поразительно непонимание законов английского языка, например, что такое для англичан «Вы». Поэтому даже отец Домби говорит маленькому сыну «Вы». Это все фокусы покойника Евг. Лана и его тупой буквальщины, испортившей Диккенса для целого поколения.

5 сентября

С утра Женя Евтушенко. Он пробыл часов до двух, читал новые стихи. Одним из них страшно взволновал меня («Смерти брата»), другие тоже прекрасны. Мысли у него, как всегда, верные и далеко идущие. Пришел, чтобы взять подпись на коллективное заявление относительно своего журнала «Мастерская». Вызвал свою приятельницу-художницу, очень хорошенькую, дочь Ажаева. Рисунки у нее занятные, разные по манере, интересны иллюстрации к Заболоцкому. Существо она милое и скромное. А Женя поспешил в Кремль, на прием писателей. Сознаюсь: я радуюсь тому, что болен и избавлен от приёма в Кремле, от всей этой утомительной суеты и толчеи. А чувствую себя уже вполне нормально.

6 сентября

С утра на всех парах начал заново статью о «Петербурге» и очень этому радовался. Но пришел Сережа Васильев. Прочел начало своей поэмы, неожиданной для него. Это повествование о последних годах жизни Кюхельбекера. Сергея привлекла тема, ибо действие ее в родном для него Кургане. Как будто вещь действительно хороша. Густо и живописно показана старость ссыльного, его поздняя женитьба на простой женщине. <...> Схваченное свежо и с тем сознанием удачи, которая есть верный признак того, что поэт нашел свой клад. А статья моя явно пойдет у меня сама собою.

Была врач из поликлиники, Белла Борисовна, да еще привела вторую, тоже терапевта. Обе ничего нового у меня не нашли, но пока суть да дело прописали

какую-то новую мерзость в таблетках, которую к тому же трудно достать. Зато мой домашний режим на этом кончился, и я вольная птица.

7 сентября

Дописак первую главу о «Петербурге». <...> Надеюсь, что в полторы недели будет сделан первый черновой вариант. В голове у меня ясный план дальнейшего, который сам собой уточнится по мере написания.

Продолжаю смотреть инсценировку «Домби и сын». Никогда еще не было настолько жалкой, беспомощной, фальшивой и претенциозной попытки передать в образах замечательное произведение слова. Замысла, общей идеи попросту нет. Образы измельчены, искажены, принижены почти все сплошь. Роли распределены наугад и невпопад. Юмором и не пахнет. Даже заведомо хорошие актеры выглядят здесь в лучшем случае манекенами. Неужели никто не решится откликнуться с яростью на это странное явление?! <...>

8 сентября

Утром очень немного двинул статью, и она по-прежнему катится почти самокатом, как по рельсам. В этом ничего удивительного: большей частью я списываю с черновиков, кое-что прибавляю для ясности. Звонил Йонас. Придут в 2 часа – к обеду. Без алкоголя обойдемся вполне.

К вечеру должна явиться Катя и этого я жду без всякой радости. Ибо внучка моя выросла в настоящую ведьму.

<...> Я за последнее время перестал нуждаться в общении. На самом деле я давно растерял друзей настоящих и даже не знаю, кого из знакомых назову близким человеком или другом. <...>

9 сентября

Вчера уже в первом часу ночи явилась Катя и, конечно, с Мишей. Я попробовал отправить его домой и напоролся на грубейший отпор Кати. В результате он пробыл всю ночь, а Катя и не подумала идти в школу, где уже пропустила один день. Значит, сегодня второй день. Кипса просто не в силах справиться с этой избалованной до ужаса тварью шестнадцати лет. Что будет с нею, если она так и не окончит десятилетку? Для какого труда, для какой службы годится она?! Приписать все это так называемой акселерации самое легкое, но и самое безответственное дело.

<...> Уже одно то, что Катя в 16 лет – замужняя баба, ненормально и, по правде, порядком безнравственно. Об этом стыдно говорить вслух и думать про себя. Тут наличествует вседозволенность, но еще больше – ощущение материальной обеспеченности, будь она проклята, эта неистребимая, едкая зараза, хуже всякой холеры.

Все, что рассказывают Коля Брауна и Маруся об условиях лагерной жизни, в которых находится их сын вот уже шестой год, – нестерпимо страшно и свидетельствует о дьявольской провокации, которая ничем не брезгует лишь бы

спровоцировать заключенного, чтобы он уже никогда не вырвался целым и оправданным из этих цепких когтей. Сам же Коля болен тяжело, а сейчас, после труднейшей поездки к сыну, и выглядит ужасно и болен кишечником. Смотреть на эту пару грустно, общаться с ними еще грустнее.

Вечером звонили из редакции «Сов. Писа»: верстка «Ночного смотра» пришла наконец из Тулы, и завтра утром получу ее. Сегодня работа не слишком задалась мне, но в чем-то и подвинулась.

10 сентября

Набрана книжка в Туле довольно внимательно и хорошо. Есть несколько неважных опечаток, кое-чего неряшливо распределено на странице, но в целом можно и прямо в печать подписать. Конечно пройдет изрядное время, пока набор будет отправлен обратно в Тулу, а потом изволь ждать сверки, но тут уж обычная волокита, бороться с нею немислимо.

Приехала Кипса, Вл. Мих. отправился восвояси. Кажется на сегодня – все. Ах, да! В «СовПисе» уже выписаны деньги за Пушкинский сборник. Мне следуют полторы тысячи. Тысячу переведут на книжку, пойдет Кипсе, пятьсот мне на руки. Получу их 24-ого.

Из Гослита пришло изд<ание> «Петербурга». Первый текст сокращен на треть. Насколько я разумею, основной костяк и смысл вещи остался тот же. Но это еще требует проверки. Пред<исловие> К. Зелинского – явная клевета на Белого и полное непонимание романа, полное бескультурье. Узнаю персонажа по ушам!

11 сентября

Вернул верстку техреду (зовут ее Роза, вела пять лет назад «Повесть временных лет»). Она тоже поражается как мало опечаток и говорит, что это – большая редкость. В отделе поэзии никого нет, и Левина нет. Как отправят верстку в Тулу без соотв<етствующих> виз? Непонятно. Куда ни посмотри – везде работа стоит из-за отсутствия кого-нибудь... Это буквально так.

Был Маркуша, взял свой перевод пьесы Шоу. Мы очень хорошо и о многом говорили – обо всем, о нашей родне и детских воспоминаниях о тетках... Позже пришел В. Широков.

В ЦДЛ заплатил партвзносы за август-сентябрь, в «СовПисе» получил чистый экземпляр верстки. Вот и все за день. <...>

13 сентября

Были Йонас и Дина с группой других телевизионщиков, записали и сняли мое слово о Бажане, которое я решился сымпровизировать и правильно сделал, ибо меньше путался, чем если бы заготовил какую-то шпаргалку. Кажется, сказал все, что хотел и что нужно в смысле поздравления.<...>

Звонил в «Сов. пис»: обнаружил в верстке еще кое-какие опечатки, техред их внесет в рабочий экземпляр. Теперь предстоят записи о Лермонтове и о

Первомайском. Первомайский волнует меня особо: очень долго жду, да и он взывает с того света!

Звонил техреду. Верстка уже у корректоров. Теперь задержка за оформлением, она готовится в I-ой Образцовой московской типографии. Надеюсь, что с возвращением из отпусков Фогельсона, Левина, и Медведева темп несколько убыстрится. <...>

15 сентября

Время катится ровно. Единственное, что меня смущает, это странная сонливость. <...>

Сашуре написал, предложив ей приехать в Л<енинград>д, когда я там буду. Дня на два-три. Пошли бы в Театр БДТ, в Пушкинский дом. А потом мне сразу предстоит в Москву, на вечер Мейехольда в музее Бахрушина. Признаюсь, Сашура мне нужнее и выступлений и всего прочего. Дочь моя продолжает фыркать при одном упоминании ее имени. Я стараюсь не реагировать.

От Сашуры письмо. Редактор ее получил сигнал из «Комс. правды», что ее ждут на стажировку с 8-го октября. Значит, действительно ей предстоит работа и в Москве и где-то поблизости в качестве спецкора. Это коренная перемена в судьбе и путевка в настоящую жизнь. Еще письмо от Л. Ждановой, на оба письма ответил.

В связи с происходящим у меня прилив бодрости. Надо всерьез и заново взяться за статью о «Петербурге». <...>

17 сентября

Пришёл какой-то тип. Принёс увесистый альбом с поздравлениями Шолохову с его семидесятилетием. Очень не хотелось мне поздравлять его, но пересилил себя и написал что-то безразличное. Потом этот тип отвез меня в «Сов. пис», где я очень быстро с помощью Ж. Елисеева перенес всю свою правку в рабочий экземпляр, который тут же идет в Тулу. Получил там 500 р. Вернулся домой. Больше сегодня идти некуда и незачем.

Письмо от зав<едующей> лит<ературным> музеем в Каунасе. В том же конверте ее заметка обо мне на литовском языке. Разобрал только имена поэтов и названия городов. <...>

29 сентября

Вчера, 28-го, вернулся из больницы. Вырезали мне поганую грыжу, с которой я мучился почти целый год. Избавился я и от болей и от прямой дороги на тот свет. Но абсолютно пропал голос. Предстоит лечиться народными средствами: молоко с медом, инжир. У меня Влад. Мих.

Погода стоит великолепная, солнце жарит вовсю. Надо входить в жизнь по мере сил и охоты. На столе груды неотвеченных писем. На столе же статья о «Петербурге» – моя забота номер один.

Написал три письма: Вол. Орлову и Нат. Банк, оба хорошие и подробные, и еще какому-то типу, живущему в Химках, явно несчастному, переболевшему

множеством болезней, мечтающему написать целых три книги и вот просящему ему на два года одолжить тысячу рублей. Я ответил, как должно, в пределах вежливости.

Вечером был Йонас: передача о Лермонтове назначена на 15 октября, в день его 160-летия. Дело за моим голосом, а времени мало. Очень хочется на этот раз участвовать в передаче, а вот как будет с голосом – один Бог знает.

День был чертовски длинный. Сейчас уже без четверти 11. Завалюсь-ка в постель, хоть Пушкина почитаю, если сразу не усну.

30 сентября

В «Сов. писателе», в производств. отделе обычное «чёрт знает что»! Моя верстка только сегодня пойдёт в Тулу. А ведь с Елисеевым мы оба все подписали и оформили еще 17-го и в том же производственном отделе обещали, что верстка уйдет в Тулу тут же, в тот же день 17-го, «если успеют»! Так было сказано. Значит, не успели, проваландались тринадцать дней. В чем дело? Тут впору и взбеситься. А при этом еще ответили Кипсе, когда она звонила, чтобы я не беспокоился, что «все нормально». Обычный идиотизм и концы в воду!

Голос у меня чуть-чуть прорезался.

1 октября

За окном прелестный солнечный яркий день – начало четвертой четверти года. Проснулся очень поздно. Писал письма: к Сашуре и к Рождественскому. Надо еще к Гольдичам и буду на время чист. Сейчас жду Миколу Бажана, он звонил. На душе кошки скребут: пора приниматься за работу, черт возьми! Ждут «Петербург»!

Микола был очень недолго. <...> Но поговорили мы хорошо и сердечно, в частности, о горьких судьбах Виктора Некрасова и Эткинда. Все-таки Микола живой человек с совестью и сердцем. Хотя были времена, когда он об этом забывал.

2 октября

С утра в поликлинике у ларинголога. Ослабла у меня какая-то мышца справа. Дело хлопотное и долгое – на несколько недель, а то и дольше. Лекарств никаких и лечения никакого, просто ждать и говорить шёпотом.

Вчера вечером звонок из аэропорта Шереметьево. Приехала приятельница Кипсы, норвежка Helene Krag, к-рая была до того в Москве два года назад. Ее никто не встретил, а должны были встретить из нашей иностранной комиссии. Ночевала у нас. Иностранная комиссия выясняет вопрос с гостиницей. А дальше ей предстоит Грузия и Армения и возврат через Москву домой. <...>

3 октября

День начался без признаков дела. Пока что жду, чтобы хорошо пошла вода, чтобы наконец вымыться с головы до ног. Других желаний не имеется, а там – посмотрим. На все письма, какие были, ответил. Только что Кипса по моей просьбе

позвонила Банникову. Оказывается, стихи мои, вся подборка, уже напечатаны в этом номере «Лит. России». А мне и верстки не прислали! Это первый такой случай, явно безобразный. Конечно, результат полной безответственности Коли Банникова. Вечером придет и принесет номера. Ничего не поделаешь. Так всё идет по нынешним временам – в какой-то нелепой стихийности.

Звонил Йонас. Кипса рассказала ему о плачевном состоянии голоса. Записываться в передаче о Лермонтове и о Сельвинском явно не смогу, разве только случится чудо...

Должна же была произойти такая вещь, именно такая, именно со мною – утрата голоса! Со мною, так нуждающимся не только в общении с людьми, но и в «публичности» этого общения, в выступлениях, в их самоотдаче, в том, чтобы держать в руках большие аудитории, и чего греха таить, в аплодисментах, в горящих глазах. Конечно, ко всему можно привыкнуть, но сейчас я лишен едва ли не главного.

Только что приходил Сережа Васильев, читал новые куски в поэме о Кюхельбекере, его сон и смерть, кое-что еще. Конечно, это очень хорошо, а для него, Васильева, и неожиданно: в отношении уважения к прошлому, к культуре. Он опять срывается в дальний полет, в Баку, на открытие памятника Есенину. Я не завидую, но жалею о своем убожестве нынешнем: в Баку не полетел бы, а в Пятигорск обязательно бы ринулся.

Кажется, сейчас неожиданно для себя я дописал до конца статью о «Петербурге». Это не значит, что она полностью благополучна и всё высказано. Еще предстоят и вставки и многие исправления. Но структура статьи уже стоит на ногах. Спешить, очевидно, некуда – чуть ли не в конце года надо сдать статью в издательство. Но спешить я все-таки буду.

4 октября

Да, в «Лит. России» напечатаны пять моих стихотворений, «День рождения восьмого февраля», «Коньки», «Цыганское», «Гадалка», «Это не конец», – всего сто с чем-то строк. Это меньше, чем мы с Банниковым отобрали, но с меня хватит. Хорош же он! Так и не был вчера. Так что пока у меня один экземпляр, пришедший с почтой. Банникова нет еще в редакции. Секретарша обещала найти еще экземпляры и позвонить. <...>

Задание из «Известий»: к понедельнику написать о Бажане к его семидесятилетию. Я взялся. Голос по-прежнему на том же уровне. <...> Звонил Сергей Васильев, еще кто-то – хвалили стихи в «Лит. России».

5 октября

Вчера вечером у Кипсы была какая-то ее приятельница, художница и специалистка по мумие. Она посоветовала мне принимать в микродозах это самое мумие для поправки голоса – дескать, какой-то ее знакомый после операции и наркоза точно так же потерял голос и в течение 3–4-х дней вылечился. Вчера перед сном я проделал эту процедуру и действительно проснулся со значительным

улучшением: по крайней мере не шепчу, а тихо говорю, да и без хрипения. Неужели мумие так универсально? <...>

Через час всей оравой двигаемся на Пахру, оставаться здесь одному невыносимо. Да и там мне легче писать о Бажане: и книг его много, и старая статья есть.

9 октября

Сегодня день рождения Бажана, статья должна сегодня уже быть в газете, а её нет. В чем дело – непонятно. Обычное хамство, что ли? Если так, то это первый случай. Ни в «Комс. правде», ни в «Лит. газете», ни тем более в «Лит. России», ни в «Неделе» со мною так не обходились. Может быть, редакция настолько безбожно сократила статью, что им было неудобно звонить мне?

Как-никак после операции прошло двадцать дней, между тем с голосом дело обстоит очень плохо. Если первую половину дня я еще могу кое-как прохрипеть несколько фраз вслух, то потом уже – нет. Значит, ларинголог была права: дело затяжное и еще бог знает, на сколько времени.

Только что звонил Эткинд, которого я так страстно, жадно и нетерпеливо ждал еще в конце сентября. Вот он и приехал в Москву, чтобы проститься с московскими друзьями, а может быть, и отсюда отправиться в ссылку на Запад, не знаю. Сегодня это выяснится.

11 октября

Вчера вечером пришел наконец Эткинд. Он пробыл не слишком долго, но наша встреча с ним была и значительна и глубоко взволновала меня. Думаю, что и его тоже. Что говорить, ведь разлука нам предстоит, может быть, навсегда. Кто знает, удастся ли ему в ближайшие годы вернуться в Советский Союз. Но он все-таки прав, когда надеется, что через два-три года положение может круто измениться в лучшую сторону, так что силком, помимо воли высланный за рубеж без права возвращения, он заново обретет это драгоценное для него право...

Он рассказал много нового, неизвестного мне об обстоятельствах постигшей его беды, и чем характернее эти обстоятельства, тем печальнее они, как всякая несправедливость, предвзятость, тем более явная незаконность. Тут «ни прибавить ни убавить» – Александр Трифонович (А.Т.Твардовский. – Сост.) сказал это о другом, но применимо оно и к данному трагическому случаю.

Выглядит Ефим Григорьевич плохо, сильно похудел, поблескивает плешь, но по внешности бодр, улыбается широко и откровенно. Жить и работать будет он в Париже, в предместье Отейль, где расположен один из двенадцати парижских университетов (во!). Он выбрал именно этот в Отейле, оттого что учатся там студенты правого направления, а ему сподручнее быть левым среди правых, нежели правым среди леваков – маоистов и прочих. Тут он, конечно, прав. Переслал чуть ли не восемьсот килограммов своих книг в Париж и уже знает, что они благополучно дошли. С семьей не так просто, особенно с младшей дочерью, двадцатипятилетней Катей, которая после тяжелой операции осталась в духовном развитии гораздо моложе своего возраста – на уровне пятнадцатилетней девочки. <...> В Ленинграде

он оставляет свою мать 82-х лет на попечение другого брата, искусствоведа. Вот неполная картина бедствия, постигшая великолепного словесника-лингвиста, переводчика, критика, теоретика, – картина ужасная.

Обнимая Ефима Григорьевича, когда он уже уходил, я едва удерживался от слез, что хорошо понятно. Если тебе 78 лет, ты просто не вправе надеяться на встречу. А мы дружим уже четверть века, с 1950-го года, когда он редактировал книжку избранного Барбье. Это был самый разгар пресловутого «космополитизма», когда мы оба были одинаково гонимы, что продолжалось, как известно, вплоть до 1953-го года, до смерти Сталина. Вот какие дела!

Закончил чистовик статьи о «Петербурге». В нем будет 37 страниц. На машинке это немногим меньше одного листа. Дописываю в полпервого ночи. <...>

12 октября

Письмо от Вс. Рождественского, на к-рое уже ответил, и из Кении (Найроби) на английском языке, увы, кто бы перевел. С утра снова какой-то голос у меня имеется. (Вчера он просуществовал до 4-ч часов дня.)

Где-то в седьмом часу пришла Сашура. Мне сразу легче дышится. Подарил ей экземпляр верстки, Петрарку и Франсуазу Саган. Три тома Байрона она пока оставила у меня. Дал ей 300 р. <...> Я рассказал Сашуре об Эткинде, о Белле и ее загуле (ее и найти не могут!). Сашура рассказала, что вызвали её только на стажировку, то есть вопрос о дальнейшей ее работе в «Комсомолке» открыт настежь. Но месяц в Москве обеспечен. (Думаю, что мне сейчас вмешиваться и неловко и, пожалуй, не нужно.)

Позвонил Йонас, сказал что хочет прийти с Диной, и они явились вскоре. Вчетвером мы распили жалкие остатки коньяка. Саша и Дина хлебали борщ. Мы болтали о пустяках, потом пили чай.

Здорово, что у меня готова статья об Андрее Белом! В понедельник заеду с ней в Гослит, оставляю, чтобы напечатали на машинке. Пусть прочтут (конечно, не Акопова – вредная дура).

А голоса к ночи нет как нет!

13 октября

Телевизионная передача о Бажане опоздала минут на 20, но она довольно хороша. Я собою на этот раз доволен, и актеры недурно читали его стихи, и сам Микола вполне вразумительно читал мой перевод вступления из его цикла «У Спасской башни», хоть само это стихотворение и не ахти – из тех, которые я меньше всех люблю.

Пришла Сашура. Причем, решительно и наотрез отказалась обедать, хотя Кипса и позвала нас обоих. Но Сашура все-таки права. Дело в том, что моя дочь вся кипит от бешенства при виде её и даже при упоминании о ней, да и говорит о ней совершенно непозволительные вещи. В частности, что Сашура виновата в каких-то воображаемых страданиях Кати. А какие это, собственно, страдания? В чем они? Дескать, Катя наблюдала мое распутство и вот теперь сама... Обвинять меня в

распутстве?! Меня, семидесятивосьмилетнего? Вот оно, как складывается моя жизнь в моей же семье!

Сашура читала статью в «Петербурге», кое-что справедливо критикует. Но утверждение что в статье отсутствует ясный план неправильно.

Был Толя Миндлин, рассказал о своих новых находках, уточняющих обстоятельствах гибели Вовы. Они сделаны по документам не полка, а штаба дивизии. Оказывается Вова участвовал в коротком наступлении, в форсировании речки Ресеты на плотках и вплавь, все это меньше километра. Похоронен он был тогда же, на левом берегу Ресеты. В дальнейшем это захоронение перенесено в братскую могилу в соседней деревне Брусна. Толя хочет продолжить свою работу, присоединить к судьбе Вовы судьбы его близких товарищей. <...>

Я показал ему свою шкатулку со всем, что относится к Вове. Он открыл её и ахнул. Хочет прийти с блокнотом, подробно записать и многое переписать из того, что у меня хранится.⁹

Звонила некая особа из ВТО, приглашала на выступление завтра на вечере Беллы. Говорил с ней от моего имени Толя. Договорились, что пришлю им письменное обращение к аудитории и прочтет его Миша Казаков¹⁰. Договорились также, что она устроит мне 10 билетов: для Сашуры, Толи, и даже Helene Krag, которая специально прилетит на этот вечер из Тбилиси. И еще, наверняка, найдутся желающие.

14 октября

Утром версточка из «Звезды» с указанием на две грубейших опечатки (пропущены две строки) в моей «Кантате» и предупреждением о сроках сдачи. Я отправил им письмо. Оно будет у них послезавтра и я надеюсь, что не нарушу графика.

Написал утром же моё приветствие для оглашения на вечере Беллы. Потом пришел Тарасов, читал свои стихи, есть и хорошие. Он просмотрел мою верстку «Ночного смотра», одобрил.

Сейчас вернулся из «Лит. России», где получил всего 100 р, а должен был больше 200-т, о чем и написал глав. редактору с просьбой объяснить такой казус.

15 октября

Как будто вчера в ВТО, на вечере Беллы, все было хорошо – так рассказали Катя и Helen Krag. И Казаков зачитал мое приветствие, и Белла хорошо читала, и Окуджава подсобил, и аудитория была отзывчива.

Пришла глупая особа из «Учительской газеты», для которой я уже несколько слов написал о харьковских школьниках-лермонтоведах. Взяла то, что я написал, просит еще что-нибудь написать для этой газеты. Я ответил, что только месяца через два-три, может быть.

Только что навестил меня милый человек Тува Лондон, с которым мы не виделись верных два года. Были и ушли Микола и Долматовский с женой. Мы пили коньяк и чай. Спор с Ж<еней> Долм<атовском> об Эткинде. Мы по-разному смотрим на слишком многое. Женя говорит общие истины, но они никак не

учитывают индивидуального характера каждой человеческой жизни и судьбы. И спор наш оказался, в конечном счете, вялым и безрезультатным. Главное же в том, что Женя плохо или совсем не знает Эткинда, а я слишком хорошо его знаю. <...>

День оказался перенасыщенный.

16 октября

Пришел из «Вечер. Москвы» Юрий Владиславович Акучик – на предмет чего-то вроде интервью. Тема Москвы в моей поэзии – вот что ему взбрело в голову. Кажется, не глупый и милый человек, возраст 38 лет. Так начался день.

Сейчас 12 ч. Птсьма от Вол. Орлова и Кравченко. Ответил обоим. Сашура была очень недолго, даже меньше часа. Но у меня не хватило духу ее удерживать, уж очень она устала, особенно от соседей в номере гостиницы, да и от общего ощущения бездомности. Предстоит ей и командировка на будущей неделе неизвестно куда. В моём доме она всё так же чувствует, видит своими глазами враждебность моей дочери к себе. Я ничего не могу с этим поделать. Немыслимо заставить Сашуру хотя бы выпить чаю. А то, что она чем-то и перед кем-то провинилась, – сущий бред. И он не рассеивается, а только сгущается. Прямо впору думать о том, чтобы съехать с ул. Щукина, – но куда?

Звонил в Гослит, чтобы прислали за статьей об Андрее Белом, обещали после часу. Мараю стишки, благо, что нашла такая блажь. На улице пасмурно, мокро, моросит – осень!..

18 октября

Ларинголог Наталья Дмитриевна констатировала некоторое улучшение, но тут же напугала: дескать, это может еще продлиться несколько месяцев. Мумие она одобрила. Предстоит еще один рентген. <...>

Толя Миндлин специально заехал чтобы сообщить точнейший свой адрес и нарисовать карту, как проехать к нему с проспекта Мира – высшая степень любезности и внимания. Привёз некоторые подробности о Вове накануне гибели. Оказывается, его полк прошел около 170 км пешком к месту назначения. Во взводе он был единственным офицером из погибших 6 июля 42 г.

19 октября

От Всев. Рождественского пришёл его двухтомник, от Мих. Суетнова – областной журнал с повестью. Увы, пропустил сегодня передачу о Лермонтове. Звонил Йонас, думал, что я смотрел.

Сашура пришла, мы дождались Ник. Павл. и двинулись по направлению к проспекту Мира. У Толи Миндлина хорошая квартира. Нас ждал нарядный стол с множеством по-разному настоянных водок и когда неизвестные гости расселись, начался галдеж, в котором я не мог принять участия. Был (из знакомых) Банников. Очень поздно пришел Мих. Соколов (сын одного из Кукрыниксов). Потом приятель Толи подвез нас на миндлинской машине.

21 октября

Вчера день был совсем пустой, за исключением письма от Н. Банк, на к-рое я ответил. Сегодня тоже много не жду, но поеду за пенсией и в УОАП.

Наконец-то обзавелся табаком «Нептун»! Могу курить трубку без страха очутиться без оногo! Давно надо было зайти в киоск в гостинице Москва. А может быть, и везде появился этот «Нептун».

Завел тетрадку (самодельную) для новых (действительно новых) стихов. На сегодня это 172 строки, не мало, но будут еще – есть порох в пороховнице.

Прорезался настоящий дискант – и довольно громкий! По телефону все слышно. Кстати, звонила Таня Калинина из Ленинграда, с Мойки, обещала сегодня отправить письмо ко мне.

В томе Пушкина, который я все время читал (автобиографические, литературные и исторические статьи и т.д.) нашлось очень много материала для одной моей задумки – по образцу французских изданий сделать сборник цитат-афоризмов Пушкина и назвать его «Пушкин в ударе». Французы разделяют эти цитаты по темам: Бог, Родина, любовь и так далее. На Пахре у меня две таких книжки. Это очень занятные книжки, без особых претензий, скорее всего антология, но сделанная бережно, со вкусом и для самого широкого читателя. У Пушкина же найдется на всякий вкус и цвет и по самым различным поводам. <...>

22 октября

Заехав предварительно в книжную Лавку писателей и купив там книг для Сашуры и для себя, я ровно в 12 был у нее в гостинице «Юность». А она больна и по-моему серьезно. Выглядит ужасно. Сипит, кашляет, вокруг глаз красные круги. Принимает аспирин, кальций, какую-то разновидность сульфидими... (конец названия я забыл). Больничный лист на 3 дня. Пробыл около полутора часов.

Потом съездил в Гослит получил 200 р. за книгу Бажана.

Вечером звонил Йонас. Он и Дина у Сашуры. Отношение обоих к ней даже трогательно. Но я попросил ее поскорее выгнать гостей – это необходимо для нее, тем более, что гости, небось, принесли и горючее. Сашура согласилась на изгнание.

23 октября

А в доме у нас происходит что-то дикое, если не страшное. Моя внучка Катя, совершенно неуравновешенное существо, внезапно взбунтовалась против чего-то и вместе с Мишей ушла из дому и, по словам моей дочери, в какую-то не очень хорошую компанию любителей самиздата.¹¹ Кипса долго добивалась и узнала телефон того места, куда они смылись, вызвала Катю и упростила ее взять такси и немедленно вернуться домой. И вот сейчас вернулся один Миша. <...> Говорит, что Катя сказала: «Куда угодно, только не домой». От Кати всего можно ждать, но этот выпад переходит всякие границы. <...>

24 октября

Утром приехала Нат. Банк и, как условились, остановилась у нас. У нее дела насчет книги. в «Сов. писе». Натали привезла две прелестных пачки почтовой бумаги с конвертами и трубку от Киселева со всеми причиндалами для чистки: стальные петли и поролон вместо ваты.

Я звонил директору Гослита насчет казуса с моим заявлением о книге переводов с французского. Заявление лежит без толку в иностранной редакции и никак не двинуто в отношении планов на 1975–1976 гг. Он с полной благожелательностью ко мне обещал выяснить, а верить этому нельзя: та же картина, что в «Сов. писе».

Наша молодая пара основательно втянулась в какую-то богемно-демократическую компанию с уклоном в самиздат. Видно, по бесхарактерности, не может отказаться от ненужного знакомства.

26 октября

Я двинулся в «Сов. пис», получил два первых чистых листа Пушкинского сборника со своей статьей. Он уже вышел, но в продажу еще не поступил. Письмо умное от Тани Калининой. Чувствую себя отвратно, тяжелое дыхание, а голос между тем все лучше и лучше, несмотря на залиvistый кашель. Еще много стихов написано, и это не конец. Хоть это не конец!

28 октября

И поездка вчерашняя с Сашурой была неудачна и весь день не лучше. К вечеру у меня поднялась температура, знобило и прочая гадость. Так мы и оказались два сапога пара. Сейчас звонил к ней – ее больничный лист снова продлен.

Пролежал в довольно жалком состоянии, с температурой, ознобом и всем прочим. Был Анат. Исаевич. Он предположил даже, что мне следует водвориться в какой-нибудь больнице, чтобы серьезно и со всех сторон меня обследовали. Но против этого у меня уже есть веские возражения, главное из них то, что сегодня мне гораздо лучше и вообще не надо поддаваться панике. В инвалиды записываться я не хочу и не буду.

Вчера был у меня Викт. Фогельсон, взял сверку. Он утверждает, что книжка выйдет в этом году, поскольку она в плане 74 года и это значится на титуле. Но и план и титул сами по себе, а тираж может запоздать, если будет угодно Туле.

3 ноября

Все эти дни я плачевно провалился в постели, следя за температурой, которую постепенно сбавляли всякие лекарства. Были у меня Симонов, Вл. Орлов, Ник. Тарасов. Был также трубочный мастер Киселев, был и Влад. Мих. Все это в преддверии, увы, неизбежной отправки в больницу.

Только что ушел Тарасов. Он взял обратно рукопись своей книги, для которой хотел мое предисловие, но сейчас это явно не выйдет.

Вечером были Йонас и Дина после большого перерыва, был и Андрей со своей подружкой, и Денис. Все в тесноте пили чай не на кухне, а в столовой. И так завтра решается моя судьба.

Была Сашура и уж так все эти дни она мила и дорога, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И в чем тут дело, отчего усталая, больная, измученная вызывает такое умиление и кажется такой близкой, чуть ли не родной? Я и сам не пойму.

8 ноября

Вчера вечером звонила Наталишка и я со всякими экивоками и умолчаниями отказался от того, чтобы она с Томасом пришли сегодня. Тут и малодушие моё, в общем неуместное, и ещё Бог знает какие причины, но жалеть не приходится. Этот день пуст и сер.

Вечером были Йонас и Дина, принесли бутылку вина. Без конца мы смотрели по телевидению всякую ерунду. Времяпрепровождение вреднейшее на свете. Пришёл Игорь Кравченко и его, как военного врача, пустили ко мне вне положенного времени, днем. Он побыл недолго, спешил на самолет и летит обратно на Камчатку.

Ответил на письмо Нат. Банк. <...>

17 ноября

Сегодня воскресенье. Лежу в больнице, куда гостей пускают днём. Это хоть и маленькое, но благодеяние.

В связи со статьей о Заграевской, как и можно было ожидать, совершенно взбесилась секция детских писателей. <...> Тут какой-то совершенно непонятный мне секрет. Почему так дурно относятся к Заграевской? В чем тут дело? Кому и чем она не угодила? Это уже сказалось в том, что ее дважды не приняли в СП и каждый раз вмешивались какие-то неведомые члены все той же секции.

Читаю «Подростка» Достоевского и словно впервые – настолько забыл. Впечатление смутное, если не мутное. Фигура и характер главного героя в чем-то надуманы, чужды Достоевскому – кажется, в этом все дело.

Были Йонас и Дина. Главный разговор о телепередаче Беллы. В связи с этим мне придется отпроситься на полдня отсюда на съемки. Как всегда, пара мила, в чем-то очень близка мне – больше она, чем он, но без всякой примеси мужской заинтересованности. Они принесли множество писем, среди которых письмо Сашуры. <...> Беспокоится о моих болячках, о житье здесь.

22 ноября

Дни здесь как-то сами собой тянутся и проходят бесследно, и я начинаю к этому привыкать. Есть люди, с которыми и поговорить можно, и поспорить, и в шахматы поиграть, не говоря уже о встречах с докторами и о перепалках с ними. Письмо от Сашуры, третье здесь по счету. Так часто она никогда не писала мне, и это само по себе бодрит меня и вливает кровь в жилы. Письмо от Вс. Рождественского, книжка Бажана, еще какие-то письма.

23 ноября

Сег<одняшнее> мое путешествие на телевидение было очень хорошей и полезной разрядкой. Правда, я не так уж складно и ладно выступил о Белле, но не сдрейфил. Йонас и Дина как будто довольны. Во всяком случае, с плеч долой и из сердца вон! Кипса вчера по телефону устроила Дине целый разгон за то, что они затеяли мой выезд, хотя, судя по тому, как отнеслись к нему здешние врачи, ничего в нем не было противопоказанного.

1 декабря

Снилась мне под утро Зоя. Снилась не как воспоминание о ней, не как угадываемое присутствие ее где-то рядом, а совершенно реально, она была рядом, говорила со мною, но о чем же? О том, что изменила мне. Ситуация совершенно невероятная между нами за все сорок лет нашей совместной жизни. Но так приснилось. Зоя огорчена, что это случилось, ругает себя, а я только утешаю ее и мы оба в слезах. И тут сон меняет ход и речь уже идет о том, что Зоя показала себя в театре на просмотре в какой-то роли слишком уж молодой по общему мнению, но показала хорошо. Это все она сама рассказывает мне. Тут же рядом ее мама Анна Васильевна, которая в совершенно несвойственной ей, какой-то язвительной и сплетнической, мелкой манере вставляет замечания в Зоин взволнованный рассказ. Я что-то возражаю Анне Васильевне, беру Зою под защиту. Вот и весь сон. Очень неожиданный по обилию ярких подробностей, по явному присутствию живой Зои. Такого еще ни разу не было.

Перечёл «Подростка» и «Бесы» Достоевского, но только добравшись до «Братьев Карамазовых» заново понял, что такое настоящий Достоевский. Как ни странно, мой утренний сон отчасти навеян Достоевским. Сама фантастика его реальности явно от Достоевского.

Заодно уж напишу о сегодняшних, дневных (воскресных) моих гостях. Были Йонас и Дина и на очень короткое время Сережа Васильев, который давно уже обещал прийти. А вчера были Кипса, Андрей, Влад. Мих. – ухитрились все втроем одновременно, не по правилам, проникнуть наверх и в палату №72.

Йонас и Дина рассказали что уже записана Белла в Бауманском институте и сильно подвинута запись о Первомайском: актерским чтением и множеством фотографий Леонида, а завтра в Киеве предстоит запись Бажана о нем. Надо еще записать Чухрая о Белле.

2 декабря

Конечно, «Братья Карамазовы» одна из величайших русских книг. Ставить этот роман рядом с «Войной и миром» или сравнивать их и нельзя и незачем. Они не сосуществуют, точнее же существуют в разных измерениях пространства и времени. Так же как в «Преступлении и наказании», но не в конце романа, а в предисловии к нему, Достоевский говорит о предстоящем ему продолжении, о дальнейшем пути Алеши. Честное слово, хорошо что не последовало продолжения. Роман завершён неожиданно, даже капризно: смерть и похороны Илюшечки никак

не завершают главных линий в этом повествовании, наоборот – эти последние остаются оборванными и тем более будоражат воображение. Но в этом ли был расчет Достоевского? Сознательно ли увел он читательское внимание от судеб Дмитрия, Ивана Карамазовых, Грушеньки, Катерины Ивановны. Но ради чего увел? Все это остается без ответа.

Итак, последний месяц года. С чем же я пришел к нему? Вопрос роковой, потому что на него нет ответа. Нет смысла перечислять сделанное, несделанное, недоделанное. Может быть, единственное, что следует зарегистрировать – это мое крайнее постарение за этот год. Это и болезни, и две больницы за эту осень, и не проходящая усталость, которую только подчеркивает постоянное бодрчество, а оно и мне самому надоело. Все это в одном ключе, далеко не скрипичном, скорее уже в скрипучем. Но я совсем не хочу служить панихиду по самому себе, остальное дело судьбы или случая. «Пусть неудачник плачет».

Приходили лечащий врач и профессор. И опять возникают у них всякие планы на дальнейшие обследования, на еще одну клизму, в частности. Это какой-то заколдованный круг. А между тем я вижу, что здесь мне не лучше.

3 декабря

Письма от Нат. Банк, от харьковских школьников-лермонтоведов.

Предстоит еще одно неприятное обследование, на этот раз уже последнее. Так сказала твердо Нина Николаевна, мой лечащий врач. Таким образом, можно быть уверенным, что 10-го я буду на улице Щукина.

Кипса мечтает поселиться на ул. Вахтангова. Как будто есть там какая-то квартира, хозяйка к-рой не прочь меняться. Конечно, это сильно облегчило бы жизнь моей дочери, но вот как я-то буду расставаться с нашей с Зоей квартирой, где мы прожили сорок лет, и так счастливо прожили, где все перенасыщено памятью Зои, ее воображением, ее находками.

5 декабря

По неизвестной причине вчера в середине дня повысилась температура, знобило, ночью было совсем тошно, а утром – как ни в чем не бывало. Вообще меня здесь порядком испортили. Здесь полное отсутствие свежего воздуха; единственный мой выход в свет за все время – поездка в Останкино. По явному недомыслию врача я все время пробыл на «палатном» режиме, т. е. выходы из здания запрещены. Мотивируют так: «Мы вас обследуем». Логика не заметна.

Сегодня утром были Лесневский и Коля Тарасов, довольно занятно болтали. Вслед за ними вечером приехала ненадолго Кипса. Вечером же читал двум сестрам свои стихи. Но от этого тоже устал. Кипса принесла письмо Сашуры. Это самое большое здесь благодеяние. Уже ответил.

9 декабря

Вот и улица Щукина. Страшный беспорядок в моей огромной комнате. Полное убеждение в том, что я никогда из него не вылезу. Полная неясность, что и

как будет завтра, послезавтра. Полное убеждение в том, что в больнице с моим здоровьем (или нездоровьем) не произошло никаких перемен, что вся современная медицина в целом это сплошной самообман самих врачей, которые никогда, конечно, не признаются в своем бессилии, постараются «держать лицо» и прикидываются оптимистами и нам, грешным, его внушают. А пока что у меня швах с деньгами и застопорена всякая творческая активность. Смотрю на стихи, которые писались до больницы, как баран на новые ворота. Что делать с этими ключьями мыслей и чувств, куда они годятся, выражают ли что-нибудь? Да и надо ли мне вообще писать стихи? Словом, констатирую и свою растерянность и сумерки вокруг.

10 декабря

После возвращения из больницы мне пришла в голову некая медицинская теория, пригодная и для моего случая. Самая неизлечимая болезнь на свете называется старостью. Ею может заболеть и отдельный человек, и целое общество («классовая прослойка») и даже целый народ. Болезнь старости неминуемо ведет к смерти, а эта последняя совершенно непредвидима, но и не отвратима. Высшие животные хорошо чувствуют приближение конца и уходят умирать куда-то, где их нельзя найти. Человек, опосредствованный множеством связей с себе подобными, лишен этого инстинкта и вынужден быть так сказать на посту до последнего часа. К чему при этом сводится роль медицины, определить почти невозможно, оттого что само общество (плюс государство) приписывает ей сложнейшие и мало выполнимые обязанности. Отступить от них врач не имеет права и поэтому строит всякие иллюзии и сверх того внушает эти иллюзии больным, т. е. самим старикам. Так вот, товарищи старики, не сдавайтесь на уговоры, курите, пейте водку, но помните: никто не знает ни дня, ни часа. И будьте готовы ко всему.

13 декабря

Был в «Сов. писе», который переехал из Гнездн<иковского> пер. на ул. Воровского. Теперь это – великолепный 4-х этажный дом, огромные комнаты, лифт. Получил там за «День поэзии» больше денег, чем предполагал. Был в Лавке Писателей, кое-что получил и там. С Л. Ждановой вечером посидели в ЦДЛ, приложились маленько к коньяку. Все это похоже на какой-то привычной обряд, без значения, без радости. Отвечаю на письма, читаю Достоевского.

15 декабря

Утром с Варей в Вострякове у Зои. По счастью встретил там Машу и расплатился с нею. <...>

Больница у меня совершенно улетучилась из головы – как будто и не было этого месяца. Сплю аккуратно всю ночь напролет, не кашляю, вожусь со стихами, которые уже три-четыре раза переписаны и не требуют правки. Это противоположное тому, что у меня бывало раньше. Трудность в том, что рифмы приходят в голову легче, чем мысли. Положение явно ненормальное.

16 декабря

Предварительно позвонив, был Евтушенко, взял пять моих стихов, хочет печатать их в «Неделе»: у него договоренность с этой редакцией на полосу в 100 строк с его врезкой. Взял еще стихи у Межирова, у В. Соколова, кого-то еще очень молодого. Женя необычайно хорош и по-своему умен, почти пронзительно. Но без практического чутья. До Симонова ему далеко. Женя предложил кое-какую поправку в предложенные мной стихи и, очевидно, он прав.

Письмо от Рождественского, уже ответил ему. Звонил Йонас: передача Первомайского в пятницу 20-го в 4 ч. 30 м.

17 декабря

Не могу объективно судить о собственной статье в коллективном сборнике. Может быть, она и не важнецкая, недостаточно продуманная, поверхностная, но читая остальные статьи в сборнике, я поражаюсь их схоластической, назойливой, вполне излишней учености. Сколько за зря цитируется чужого, не только наших пушкинистов, но и Аристотеля, и Шеллинга, и Гоголя, и Фихте, и Ницше, и Кьеркегора, и еще бог знает кого. Вокруг Онегина сгруппированы и Гамлет, и Фауст, и Дон Кихот, то же произошло и с Ленским. В конечном счете, эта цитатность затемняет авторскую позицию, а то и заставляет предположить, что таковой позиции вообще нет.

18 декабря

Утром был Кирсанов, взял 150 р., чтобы купить мне очень хороший аппарат – не «автомат» и не «полуавтомат», а с нормальной наводкой. Мой сорокарублевый это игрушка, так что весь мой летний бизнес был ни к чему.

Был Россельс, рассказал печальные вещи об Эткинде, прочел его письмо, тоже в общем безрадостное. Потом я поехал в Лавку Писателей, оттуда в «СовПис», где получил от Келлермана свою трубку и подарил ему Пушкинский сборник.

19 декабря

В пушкинском сборнике особенно не понравилась мне статья Льва Озерова о вторжении прозы в поэзию Пушкина. Он усматривает это вторжение внешне, в языковой строй, в появлении таких слов, как например «организм», не понимая и не чувствуя коренных различий поэзии и прозы. А сверх того, неприятный тон: постоянное подчеркивание всякого рода «я», «мне», «мое». Он единственный из авторов злоупотребляет этой манерой. Сплошная хлестаковщина. Рядом с ним интересное по-своему исследование «Каменного гостя» некоего В. Соловьева – по крайней мере, попытка философского ответа на проблему свободы.

Была Галя Умывакина. Слава богу, она убила розами Кипсу, так что та накормила нас обедом. Дальше мы с Галей говорили о Твардовском, о разнице поколений, о 30-х годах. Я прочел ей свое «Обречены» и, кажется, произвел сильное

впечатление. Как она говорит, кое-что объяснил в нашей судьбе, в судьбе и стариков и молодых.

20 декабря

Передача о Первомайском получилось очень и очень хорошая. Не говоря уже о том, что для меня она важнее всех прочих, где я участвовал. По существу же, почти ровно через год после его смерти произошло его настоящее возвеличение и воскрешение. И Бажан, и Головановский, оба говорили и горячо и умно, да и актеры читали лучше, чем обычно по телевидению. А я сам себе, как всегда, совсем не понравился: мог бы меньше напирать, с меньшим пафосом говорить и читать стихи.

Получил сегодня пенсию за два месяца и заплатил партвзносы. В магазине на ул. Веснина купил три своих 3-их тома и четыре 4-ых. Отправил письмо Орлову и Сашуре, ей же – Олешу. Читаю все тот же пушкинский сборник и нахожу в нем много интересного – чем дальше, тем больше.

21 декабря

Утром письмо от Сашуры, так что день, можно сказать, начался нормально. Письмо бодрое и интересное, но я забыл записать раньше, что врач нашел у нее дистрофию и авитаминоз. Небось, в Пскове у нее рацион весьма плохой. Не послать ли яблочко, лук, чеснок? Вечером были Лида и Виктор, рассказывали о Белле: она в Переделкине показала себя довольно характерно и не слишком красиво. Конечно, она чудовище безответственности, если не бессовестности. Ее отношение к двум несчастным девочкам, из которых одна ее родная дочь, просто преступно.

22 декабря

Был Емельянов, мой приятель по больнице, восторженный, но милый человек, живущий в Туве, а сейчас в санатории в Пушкине. Пробыл недолго, я убогостроил его и пластинкой своей, пушкинским плакатом и еще чем-то. Пришел вагон писем. Ответил Наталишке в Вильнюс, написал Н. Брауну, на многие еще надо ответить. Вечером были Широков с женой.

23 декабря

Ответил на письма Рождественскому и Нат. Банк. У Банникова в редакции «Лит. России» получил том Ахматовой. Никогда не видел его в таком ужасном, почти истерическом возбуждении. Похудел ужасно, вроде меня. Он бездомен, ищет возможности снять где-нибудь комнату и все проекты проваливаются. Он произвел на меня страшное впечатление, а чем помочь?

В УПРОПР получил 150 р. Так что мои финансы в общем на сей момент вполне благополучны. <...> Читаю I-ый том «Воспоминаний о Пушкине». Книга составлена с избыточной щедростью и это правильно: в ней много и не о Пушкине, попутное, но в целом дается атмосфера эпохи и общества того времени, которое окружало Пушкина и многое в нем обусловило.

24 декабря

Письма от В. Рецептера и Вол. Кузнецова из Петрозаводска. Обоим ответил. Рецептер просит рекомендацию в СП. Посылаю ее.

Днем позвонил Виктор Фогельсон: пришел сигнал «Ночного смотра». Немедленно полетел туда и вот в руках у меня эта книжка, стоившая такой тревоги и крови! Радоваться ли ей, даже не знаю, ибо оформление, навязанное мне лентяем В. Медведевым, довольно глупое – только и всего, что мои шрифты, а картинка на обложке с какими-то ландскнехтами никакого отношения к содержанию не имеет. Есть и опечатки. Днем была Лида Жданова, принесла апельсины и взяла Ахматову.

26 декабря

Кипса уехала на Пахру на несколько часов. Я остался совершенно один дома, воспользовался этим и вызываю Псков. От Сашуры нет вестей: не больна ли?

Вчера получил деньги в «Известиях» за статью о Завадском в «Неделе» и о Бажане в газете – всего 160 р. Потом заехал в «Знамя» и вроде застолбил там статью о двухтомнике воспоминаний о Пушкине. Стариков боится своих хозяев, особенно Кожевникова, хочет с ним согласовать это дело. Ну, пусть согласовывает.

Очень мила, похорошела явно, Светлана Бучнева, с которой я дружил, пока там печаталась моя статья о Пушкине, а потом и стихи. Стихов требует и сейчас. Но день вчерашний был в общем пустой. Вчера же навел порядок у себя на столе, уничтожил множество чужих рукописей – давно пора! И так – жду соединения с Псковом.

...Ну вот, так я и знал! Сашура больна, лежит у себя в общежитии. Можно представить, в каких ужасных условиях. Сверх всего прочего и голодает. Просил подошедшую к телефону девушку передать, чтобы телеграфировали. Да небось, не захочет!

Ася Цветаева прислала бандеролью 2-ое издание своих воспоминаний. Оно всего на 90 страниц больше первого. В «Ночном смотре» обнаружил пять сквернейших опечаток. Это очень обыкновенный случай: новые опечатки появляются уже в готовой книге. То же было и с 4-мя томами. В чем дело? – Никто в издательстве объяснить это не может.

27 декабря

Из моего намерения дать в книге приложением список пяти безобразнейших опечаток ничего не вышло. Оказывается, весь тираж не только отпечатан, но и отправлен уже в Книготорги. Так что может случиться, он уже имеется в Лавке писателей. В опечатках же (в части их) я сам виноват, правда без вины: по общему правилу автор просто не видит печатного текста, читает то, что у него в голове. Ну тогда в своих, даримых экземплярах буду исправлять. Пока меня не было, Кипса подписала договор на статью о «Петербурге» Белого, но не догадалась посмотреть, сколько мне заплатят.

28 декабря

Утром был Пирогов из Новосибирска – фанатик-книголюб, охочий до всяких редкостей, в сущности, любых, только бы трудно доступных, принес мне «Письмена» Рериха. Я не удержался и подарил ему две книги стихов Брюсова, поскольку всё из них вошло в собр. соч. В. Брюсова. Дал ему записку к Каверину, чтобы принял его. А книга Рериха тоже большая редкость, я нигде не смог ее найти. Еще он подарил мне книжку поэта Олерана, изданную в Иркутске. Это тоже интересно.

Отсутствие вестей от Сашуры сильно тревожит меня. Наверно, она слегла, когда ей стало совсем невмоготу. Вечером был Ник. Тарасов. Он очень остро судит о моих стихах. Я не всегда согласен с ним, но всегда понимаю его возражение. Проблема Нового года стоит во весь рост. Знаю, что отказываться от положенной встречи – плохая примета, но как быть?..

29 декабря

Письмо от Сашуры довольно милое и успокаивающее: ее и колют нужными лекарствами, и яблоки и все прочее можно достать. Долго распространялась о том, как боится задеть меня неосторожным словом. С увлечением читает Олешу. Уже ответил и конечно, как гора с плеч. Хотел было поехать к М. Алигер (она вчера звонила), но у нее высокая т°, отложили на завтра. Звонил Лесневский: оказывается, у него уже кое-что написано обо мне для «Знамени». <...>

Бесконечно длинный разговор с Илюшей Фейнбергом по телефону. Он очень больной человек, а сейчас особенно. Разговор о Пушкиниане этого года. Нам надо встретиться, ибо по телефону глупо.

30 декабря

Шесть лет тому назад, в предпоследний день 1968 года утром мы с Зоей приехали сюда, на улицу Щукина и очень скоро дом наполнился и друзьями и врачами и сестрами. Зоя лежала в соседней комнате, которая была ее спальней (и в которой сейчас живет Катя). Зоя лежала на своей кровати (сейчас на ней спит Катя). Отношение всех врачей к заболеванию Зои обнаружилось сразу. Сразу стало ясно, что дело очень серьезное, что врачи сами в тупике. Это продолжалось долгий, долгий, декабрьский день. Уже было совсем темно, т. е. часов 6 или 7, когда Зою отвезли в черной, страшной машине в больницу (за Театром Сов. Армии), где имелось отделение реанимации.

Все это вспоминается сейчас как затяжной, тяжелый, крепкий до ужаса сон. И как во сне, какое-то нечеткое сознание происходящего. Говорят, это называется шок. Но ведь шок продолжался и в последующие дни, когда стало точно известно, что Зои уже нет на свете, когда мы с Кипсой получили и паспорт ее, и удостоверение о смерти, и выписку из патологоанатомического протокола, когда весь день 31-го уже был заполнен неизбежными кладбищенскими делами. Шок и замутненное понимание происходящего продолжались. А Зои уже не было. И все, что произошло за протекшие с тех пор шесть лет, произошло без Зои. И что бы ни

произошло в 1975 г. и дальше, все это будет без Зои. И в который уже раз после ее смерти, я стараюсь оглядеться вокруг, присмотреться к тому, что осталось, и все время спрашиваю себя: как же это случилось, что я вынес, выдержал утрату, выжил и продолжаю жить без Зои, без Зои, без Зои ?..

31 декабря

Вот и последний день года, а я застыл на той же точке, на той же дате шестилетней давности. (Это не значит, что ничто из окружающего не входит в сознание.) Звонил Тарасов и я объяснил ему, почему не приду вечером к нему встречать Новый год. Звонила Лида Жданова и я сказал ей то же самое. Бедный Влад. Мих. опять попал в больницу с приступом аппендицита, но оперировать его все-таки не решаются из-за сердца. Словом, жизнь продолжается, проклятая и благословенная. <...>

Неожиданно для этого дня пришли Саша Межиров и Женя Винокуров. Чем бы ни был вызван их приход – памятью ли о Зое или чем другим – все равно приход их был благоденье, особенно Межирова, которого я не видел больше двух лет. Мы о многом и разном проговорили, что не укладывается ни в какой перечень, оттого что перескакивали с темы на тему. Я прочел несколько своих новых стихов и, кажется, им понравилось. Винокуров спросил, как удаётся мне сохранять такую способность к новым стихам. Я ответил, что все это сделано на основе старых, забытых, незавершенных и случайно найденных черновиков, и это сущая правда. Отсюда вся моя нынешняя продукция. Звонили и поздравляли Лида Жд<анова>, Дина, Толя Миндлин, Слуцкий...

Заходили соседи Алла Бруновская и ее муж Леонид Викторович Почивалов. Они встречают Новый год в ВТО за одним столиком с Завадским и Улановой, там же будет Ия Саввина. Они пригласили прийти к ним завтра вечером часов в 7. Звонил еще Завадский, потом Инна Заграевская, еще кто-то...

Вот и встретили мы Новый год. Кипса, Катя, Миша и я выпили на четверых бутылку шампанского.

Одной Тобой обладая,
Все ближе к покойнице я.
Любимая и молодая
Бессмертная Зоя моя.

На этом уже по-настоящему можно закончить 1974 год.

Комментарии

¹ Кузаков Константин Степанович (1911-1996) – философ, докт. философ. наук; организатор кинопроизводства и телевидения, один из руководителей Гостелерадио СССР (с 1959). По его словам, внебрачный сын Сталина.

² Синельникова Мария Давыдовна (1899–1993) – актриса театра и кино, педагог; нар. арт. РСФСР (1969). С 1920 г. актриса в студии Е.Б.Вахтангова, где и познакомилась с П.Г.А. и З.К.Бажановой. Вскоре студия стала театром им. Вахтангова, и этом театре она проработала всю жизнь.

³ Левитанский Юрий Давидович (1922–1996) – поэт, переводчик, мастер лирического и пародийного жанров. Участник ВОВ.

⁴ Делегаты комсомольских и партийных съездов имели возможность приобретать дефицитные товары.

⁵ Куртаж (от фр. courtage) – комиссионное вознаграждение посреднику при совершении сделки.

⁶ Макарьев Леонид Фёдорович (1892–1973) – актёр, режиссёр, педагог, драматург; нар. артист РСФСР.

⁷ Цявловская Татьяна Григорьевна (фам. при рож. Зенгер; 1897–1978) – литературовед, текстолог, специалист по творчеству Пушкина.

⁸ Зисельман Евгения впоследствии опубликовала очерк «Письма Павла Антокольского» в журн. «Уральский следопыт», 1988, №3.

⁹ Та часть архива П.Г.А., которая относилась к В.П.Антокольскому, впоследствии была подарена поэтом А.Э.Миндлину. Незадолго до смерти А.Э.Миндлин передал эти материалы в Российский Государственный военный архив (РГВА), о чём сообщил составителям.

¹⁰ Казаков Михаил Михайлович (1934–2011) – актер, режиссёр, чтец.

¹¹ Катя и Миша в тот год были завсегдаятами в доме Владимира Ильича Сквирского (1930–?), где находился копировальный аппарат и было налажено производство нелегальной литературы. Сквирский приходился родственником М. Журавскому по отцу, а в студенческие годы был сокурсником матери М. Журавского.